

ИРИНА
ФУЛЛЕР

ЭКСПЛЕТЫ

The background is a solid pink color with a subtle pattern of small white dots. Dark blue floral and vine motifs are in the corners. A large, faint red dragonfly is centered behind the title. The title 'ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА' is written in a large, white, stylized serif font with elaborate flourishes.

ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА

НИЧЕГО
НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬ

Ирина Фуллер
Эксплеты. Последняя сказка
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Новые сказки»
Серия «Эксплеты», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67864941

Эксплеты. Последняя сказка:

ISBN 978-5-04-171818-3

Аннотация

Омарейл и Даррит продолжают свою миссию по освобождению принцессы от гнета проклятия. Книга сказок приводит их в совершенно неожиданное место. Но каждая дорога когда-то заканчивается. Настало время раскрыть мрачные тайны прошлого. И будущего.

Финальная часть трилогии «Эксплеты».

Пришло время принцессе и ее компаньонам разгадать все тайны, которые приготовила для них судьба.

Легкая, но глубокая история о долге, совести, дружбе, чести, любви и семье.

Время и пространство, прошлое и будущее – Омарейл должна сделать верный выбор.

Что заставило Сову сделать предсказание? Что случилось с Мраморным человеком? И сможет ли Омарейл обрести свободу и личное счастье?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	51
Глава 4	79
Глава 5	100
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Ирина Фуллер

Эксплеты.

Последняя сказка

© Фуллер И., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Турбийон

– Не переживайте. Я знаю, что делать.

Омарейл и Норт Даррит сидели на полу в комнате с огромным тикающим механизмом. Только что Совет Девяти закончился провалом. Почти трехмесячное путешествие по Ордору с переговорами, хитроумными планами и порой опасными приключениями не привело ни к чему. Они оказались там же, где и были вначале: предсказание не ослабило своего влияния на судьбу наследницы, план Совалии Дольвейн продолжал работать, только теперь еще и подданные готовы были взбунтоваться, недовольные ситуацией с принцессой.

Странно, но слез не было, хотя они казались вполне уместными. Была только оглушающая пустота. Да, Омарейл до тошноты отчетливо ощущала, как разочарование сдавило грудь, сжало твердой рукой желудок и не давало сделать глубокий вдох. Но в голове не осталось ни одной вразумительной мысли, а душа перестала стремиться куда-то, словно утратив цель. Будь на то ее воля, Омарейл так и сидела бы там, бессмысленно глядя в пространство.

Но Даррит, решительно поджав губы, листал книгу со сказками – ту самую, что носил с собой все время их путе-

шествия и читал принцессе в поезде. Выглядел он так, будто полон энергии, чтобы продолжить путь.

«Зачем?» – глухо отозвалось сознание Омарейл.

– Нам нужно найти Часовщика.

«Зачем?» – повторило оно, все еще не позволяя даже искорке интереса разгореться в сердце.

Норт же тем временем открыл маленький томик на последней странице и указал на текст:

«Но знали они: Часовщик мог помочь».

Так заканчивалась книга. Необычно для сборника сказок, не было в этой фразе ощущения завершенности. Но принцесса не понимала, какое отношение это имело к их ситуации.

Зачем Даррит вообще носил с собой пускай и маленький, но все же ощутимый в кармане томик? Будь у него энциклопедия лечебных трав или атлас дорог Ордора – это имело бы хоть какой-нибудь смысл, а так...

«Зачем?»

– Норт, я тоже ошеломлена и раздавлена тем, что из нашей затеи с Советом Девяти ничего не вышло, – сказала она наконец. – Но давай постараемся сохранять голову холодной и не ударяться в истерики.

Даррит перевел на нее серьезный взгляд, а затем произнес нараспев:

– Смеясь всем невздам в лицо, по той неудаче они не тужили. Пускай девять мудрых надежды лишили. Пускай их

грядущее – темная ночь. Но знали они: Часовщик мог помочь.

Что бы он ни хотел этим сказать, Омареил лишь утвердилось во мнении, что Даррит сошел с ума.

– Думаешь, если станешь говорить стихами, будешь звучать более убедительно? – спросила она полушутя, но взгляд Норта по-прежнему был сосредоточенным и угрюмым.

– Я зачитал вам последний абзац. Я помню его наизусть, поскольку слышал много раз, когда Фрая читала мне эту книгу, – Даррит продемонстрировал потрепанное издание. – Всегда недоумевал: почему все заканчивается таким странным образом? Почему история обрывается? Что было дальше?

– И что? – в ней все же нехотя, но заворочался интерес к словам Норта. – Теперь ты понял почему?

– Вы же тоже заметили: текст как будто описывает нашу ситуацию. И это не единственное совпадение. Еще когда вы появились на пороге моего дома, я подумал, что происходящее начало перекликаться с сюжетом книги. Интуиция подсказала мне взять ее с собой, когда мы отправились на поиски Мраморного человека. И чем дальше, тем заметнее становилось, что многие события происходили как в этой последней сказке. Здесь они описаны в несколько иносказательной манере, но все же узнаваемы. Главный герой, простолюдин, помогает героине, принцессе, добраться до совета мудрых магов. Их тоже девять. На их пути попадают и разбойни-

ки – один из них в итоге тонет в реке, – и хитрый купец, который обещает помочь за достойную плату, и шут, которого они обыгрывают в карты...

Омарейл почувствовала, что ее сердце забилося чаще: действительно, слишком много совпадений для одной сказки!

– Но как такое возможно?

– У меня пока нет ответа на этот вопрос, – пожал Даррит плечами, – но я верю, что последние строчки – это подсказка, что делать дальше.

– Надежда со щепоткой безумия лучше, чем болото рассудительного уныния, – кивнула она, ощущая, как вера в счастливый исход встрепенулась в груди и нерешительно подняла голову.

Принцесса встала и начала прохаживаться по комнате, не в силах совладать с приятным возбуждением.

– Папа и Пилигрим ждут меня в Орделионе, – заметила она.

– Скоро им сообщат решение Совета Девяти, они поймут, что что-то пошло не так, но до свадьбы вряд ли станут предпринимать какие-либо шаги. Да и госпожа Дольвейн, уверен, позаботилась о том, чтобы встреча с ними прямо сейчас была невозможна. – Даррит звучал убедительно, разбивая последние сомнения принцессы. – Полагаю, Совалия приложит все усилия, чтобы ничто не помешало женитьбе сына. Поэтому у нас есть время проверить мою гипотезу.

Он прошел к двери, обернулся и выжидающе посмотрел на Омарейл.

– Не думаю, что встреча с Часовщиком продлится слишком долго, – добавил Даррит.

Решение было за ней.

– Это безумие, – сказала она, качая головой, но идя следом. – Когда все вокруг катится в бездну, ты предлагаешь поверить в сказку?

– Когда все катится в бездну, только это и остается.

Часовщик – не самая редкая профессия в Ордоре, и Омарейл полагала, в одном только Астраре их было не меньше десятка. Но Даррит был уверен, что знал, о ком именно шла речь.

– В книге Часовщик однажды помог принцессе, когда за ней гналась стая безумных птиц, – пояснил он, пока они спускались по лестницам Дома Совета. – Думаю, не ошибусь, предположив, что в нашем случае это...

– Тот пожилой мужчина, что помог мне укрыться от стражников! Когда я убегала от Совы!

И, несмотря на то что Даррит в ответ кивнул весьма сдержанно, Омарейл заметила – за новое дело он взялся с азартом.

Тот самый Часовщик обитал в центре Астрара, рядом с Храмом Света, и в обычный день добраться до его лавки можно было довольно быстро. Но свадьба Севастьяны и Бе-

приота смешала все карты: большинство дорог были закрыты для пешеходов, а тысячи людей высыпали на улицы, чтобы полюбоваться на жениха и невесту. Тем предстояло порознь добраться до Храма Света, а после церемонии в открытой карете вместе проследовать от площади до Орделиона. Посмотреть на это съехались гости из разных уголков страны.

– Может, найдем какого-нибудь часовщика поближе к Орделиону? – иронично предложила Омарейл.

Принцесса неуютно чувствовала себя в окружении такого количества людей. И чем ближе к центру, тем плотнее была толпа. Приходилось буквально расталкивать всех плечами, чтобы пробраться вперед. Желаящие увидеть королевскую чету стояли не только вдоль дороги: они высовывались из окон, свешивались с балконов и искали места на крышах. От царящего вокруг ажиотажа Омарейл невольно начала заводиться и сама.

– Я тоже хочу посмотреть на Севастьяну. Они уже скоро поедут, давай найдем место, – прокричала она в спину Дарриту.

Тот даже не оглянулся, и принцесса с трудом поборолла желание просто из вредности остановиться и посмотреть, как он будет искать ее, потеряв в толпе.

В конце концов Омарейл все же немного отстала, не нарочно, просто дорогу ей преградил гвардеец.

Она замешкалась, но, взглянув ему в глаза, застыла. Служители правопорядка были повсюду, и все как один высокие,

широкоплечие, с волевыми подбородками и сурово сжатыми губами. Казалось, их создали по одному лекалу. Но лицо именно этого гвардейца почудилось принцессе знакомым. Когда же она прочитала его эмоции – узнавание, триумф, враждебность – скорее догадалась, чем вспомнила: это был тот самый человек, что пытался убить ее на пути из Нортастера в Клоустен. Тот, кто знал о ее причастности к убийству другого гвардейца. Посланник Совы.

В его взгляде читалось торжество и ярость. Принцесса испугалась: не только из-за этой встречи, но и из-за того, что Норт пропал из виду. Гвардеец-наемник тем временем схватил Омарейл за локоть. Она дернулась, пытаясь высвободиться, но пальцы сжали ее руку еще крепче.

– Куда-то собралась? – прорычал он, злорадно ухмыляясь.

От него пахло потом и пивом. Принцесса содрогнулась от отвращения и снова хаотично задергала рукой. Вряд ли ей удалось бы освободиться, если бы захватчика не отвлек удар бутылкой по голове – точнее, не по голове, а по парадному гвардейскому шлему, что, должно быть, и спасло его от сотрясения мозга или других значительных повреждений. Бутылка разбилась, но гвардеец едва ли пошатнулся. Он отпустил Омарейл скорее от удивления, чем от боли.

За его спиной стоял Даррит с бутылочным горлышком в руке. Как поняла Омарейл по почерневшим глазам Нор-та, он попытался использовать дар, но звенящие в воздухе эмоции мешали сосредоточиться даже такому опытному экс-

плету. Даррит бросил взгляд на Омарейл и дернул головой. Она кивнула, и в следующую секунду оба бросились в толпу. Омарейл до дрожи боялась потерять Норта из вида, но наконец почувствовала, как он сжал ее предплечье, увлекая за собой.

Большое количество народа сыграло на руку: им удалось затеряться в толпе.

– Держи их! Стража! – раздался рык позади.

Не сговариваясь, Даррит и Омарейл свернули с улицы Семи Сестер в небольшой переулок. Народу здесь было гораздо меньше.

Сердце принцессы забилось чаще, когда за спиной послышались крики других стражников. Толпа загудела.

Омарейл уже имела возможность сформировать свое отношение к бегу: он ей не нравился. В груди жгло, горло сдавливал кашель, во рту появлялся металлический привкус. Казалось, еще немного – и она просто умрет. Однако грядущая смерть от физической нагрузки представлялась менее пугающей, чем встреча с толпой гвардейцев, поэтому она продолжала двигаться, петляя между прохожими. Бежать, не расцепляя рук, было неудобно, но потерять друг друга сейчас было бы еще хуже, поэтому, с трудом дыша, Омарейл выкрикнула:

– Если что, встречаемся у Часовщика, – и едва Даррит кивнул, испытала облегчение.

Страх разлуки отступил, оба разжали руки и нырнули в

бурлящую толпу. Крики «Разойдись!», «Держи вора!», «Дорогу королевской гвардии!» раздавались ближе и ближе.

Люди мелькали разноцветными пятнами, принцесса не видела лиц, только чувствовала сотни запахов, утыкаясь в чужие плечи и спины. Она расталкивала крепких мужчин, мягких женщин, молодых людей с острыми локтями. Ее ладони касались бархатистых сюртуков, блузок из хлопка, ситцевых платьев и тонких рубашек из муслина. А временами Омарейл ощущала грубую кожу портупей и ремней, колючую шерсть жилетов или гладкий атлас корсажей.

Принцесса никогда не планировала знакомиться со своим народом настолько близко.

Наконец толпа чуть расступилась, потому что улица, к которой они выбежали, была предоставлена автомобилям. Кажется, все машины Ордора собрались на той дороге. Между ними виновато пытался протиснуться конный трамвай.

Черные кузова блестели на солнце, пахло резиной, бензином и пылью. Поток был плотным, ехал транспорт очень медленно, поэтому Омарейл чуть присела, сгорбилась и начала петлять между автомобилями, надеясь, что так страже будет сложно заметить ее. Даррит последовал примеру. Принцесса сообразила, что проще всего было бы оторваться от преследователей, запрыгнув в чей-нибудь салон, тем более что низкие дверцы задних сидений не казались серьезной преградой. Продолжая юрко проскальзывать между блестящими экипажами, она начала искать транспорт без пас-

сажиров.

И тут в одном из водителей – несмотря на большие пылезащитные очки в медной оправе – принцесса узнала Шторм. Разумеется, одна из самых известных актрис королевства была приглашена на свадьбу, для нее должны были приготовить место в Храме Света. И, конечно, госпожа Эдельвейс решила прибыть на собственном шикарном автомобиле, да еще и за рулем. Последнее – несомненно, чтобы эпатировать публику и засветиться во всех газетах.

Оглянувшись, Омарейл увидела, что гвардейцы чуть отстали и хищно оглядывают окрестности: они потеряли добычу из виду. Воспользовавшись этим, она схватила Норта за руку и, нырнув на заднее сиденье автомобиля Шторм, затянула туда и его. Оба, не сговариваясь, спрятались на полу у кожаного диванчика.

– Сожри тебя тьма, что происходит?! – воскликнула Шторм.

Она боялась отрывать взгляд от дороги, девичьи пальцы крепко сжимали руль, поэтому толком разглядеть, что творилось на заднем сиденье, она не могла. Но, понимая, что девушка не оставит это просто так, Омарейл сказала:

– Шторм, тише, это мы: Норт Даррит и Мираж.

Автомобиль дернулся и остановился оттого, что Шторм резко отпустила педаль.

– Продолжайте движение, госпожа Эдельвейс, – требовательно произнес Даррит своим лучшим учительским тоном.

К удивлению Омарейл, Шторм послушно завела двигатель.

— У вас есть ровно минута, чтобы объяснить, в чем дело, — зло заявила она, глядя вперед.

— Мы скрываемся от гвардейцев, — после паузы ответил Норт, за что получил от Омарейл возмущенный взгляд. — Видите, вон они стоят, ищут нас. Прошу, воспользуйтесь своим актерским даром и изобразите невозмутимость.

Они проехали мимо мужчин, что преследовали их, незамеченными.

— Благодарю, — произнес Даррит.

— Катитесь в бездну. Я не стану укрывать преступников! — вознегодовала Шторм, несмотря на то что сделала именно это. — Не знаю, что вы натворили, но я сдам вас первым же... следующим же стражникам!

— Ничего подобного. Во-первых, вам слишком любопытно, почему же нас ищут. Во-вторых, вы слишком отзывчивый человек.

Омарейл выразительно фыркнула. Шторм тоже.

— Поверьте, — громко сказал Даррит, стараясь перекрыть звук работающего мотора, — я знаю вас лучше, чем, возможно, даже вы сами. Что же до причин погони: мы расскажем о них, когда доедем до цели. Нам нужна улица Первых Семей.

Шторм хотела вновь возмутиться, но Даррит не позволил ей сделать этого:

— Я понимаю, что вам не совсем по пути. Мы сойдем в

переулке Иетихона, так всем будет удобнее.

Шторм покачала головой, и, поправив автомобильные очки, устремила взгляд вперед.

Через несколько минут Омарейл и Даррит решили, что будет безопасно подняться с пола и сесть на пассажирский диванчик. Идея оказалась даже лучше, чем они предполагали, поскольку через пару минут их обогнал гвардеец на лошади. Он внимательно вглядывался в лица шоферов и пассажиров и, очевидно, не находя того, что искал, отправлялся рысью дальше. Если бы он заметил притаившихся на полу людей, это вызвало бы подозрения. Так же Даррит и Омарейл вполне походили на достойных граждан. Норт скушая оперся щекой о кулак, скрывая шрам. Омарейл быстро вытащила из кармана Даррита книгу со сказками и стала делать вид, что читает.

И все же гвардеец заинтересовался ими. Видимо, ему дали очень точное описание тех, за кем велась погоня. Он жестом велел Шторм остановиться, что она послушно и сделала. Автомобили, ехавшие позади, тоже встали, слышались недовольные крики и гудки.

– Кто эти люди, госпожа? – обратился гвардеец к девушке за рулем.

Та через плечо бросила взгляд на пассажиров. Омарейл отложила книгу, возмущенно спросив:

– А что, собственно, происходит? – Сердце ее при этом билось в горле.

Гвардеец поднял ладонь, призывая к тишине.

– Госпожа, кто эти люди? – настойчиво повторил он, глядя на Штурм.

Несколько секунд, что та молча буравила его взглядом, показались Омарейл вечностью. Выдаст или не выдаст?

– Мой брат и моя служанка. Я не могу ехать на свадьбу без девочки на побегушках, – капризно протянула она. – Кто будет носить мне воду, если станет жарко? К счастью, на подобное эта дуреха способна... А в чем дело?

Гвардеец чуть растерялся. Затем сощурился, внимательно вглядываясь в лицо Штурм.

– Госпожа... госпожа Эдельвейс? – уточнил он, явно смутившись.

Та закатила глаза.

– Я могу ехать? – с нотками раздражения спросила она.

Видимо, спешила скрыться, пока поклонник не вспомнил, что у нее нет братьев и сестер.

Тот заставил лошадь отступить чуть назад, но когда Штурм уже завела машину, вдруг снова поднял руку, прося ее остановиться.

Омарейл, которая только готова была вздохнуть с облегчением, вновь напряженно застыла.

– Можно ваш автограф? Вы – гениальная актриса, я от вас без ума. – Гвардеец вынул из нагрудного кармана свое удостоверение и карандаш. – Вот тут, прямо на обложке.

«Гениальная актриса» снисходительно дернула плечиком

и выполнила просьбу. Гвардеец отправился дальше, на поиски беглецов. Омарейл и Даррит переглянулись.

– Спасибо, Шторм, – проникновенно произнесла принцесса.

– Замолчи, – бросила та. – Мне не нужны твои благодарности. Я сделала это, только чтобы узнать, во что ты вляпалась!

Прежде чем сойти у переулка Иетихона, Даррит действительно открыл Шторм часть правды:

– Мираж в розыске с тех пор, как сбежала из школы. Один из гвардейцев узнал ее и объявил погоню.

Шторм спустила защитные очки на шею. Ее глаза горели.

– Но почему? Почему ты в розыске? Почему сбежала? – спросила она.

И принцесса ответила:

– Потому что я не та, за кого себя выдаю, – заявила она. – Но сказать, кто я, не могу. Надеюсь, впрочем, что ты все же однажды узнаешь и, может быть, перестанешь меня ненавидеть.

Та хмыкнула, надела очки и бросила:

– Я тебя не ненавижу. Мне нет до тебя дела. Счастливо!

Мотор задребезжал. Машина резко тронулась с места, оставляя за собой облако пыли.

До лавки Часовщика было рукой подать, но пробраться к ней не представлялось возможным. Вероятно, из-за близости

сти площади Храма Света толпа здесь была слишком уж возбужденная: многие были настроены чересчур агрессивно, и никто не хотел уступать свое место. Попад в поток идущих к площади, Даррит и Омарейл могли лишь следовать за народом.

До появления Севастьяны и Бериота оставалось несколько минут. У Храма Света, как говорили ордорцы, негде было воткнуть копье.

Все силы Омарейл уходили на то, чтобы отстраняться от витающих в воздухе эмоций, но это получалось все хуже и хуже. Наконец по площади прокатилась волна возбужденного восторга.

– Едут. Они едут, – слышалось со всех сторон.

Омарейл стало трудно дышать. Она пыталась убрать за уши мешающие пряди, но они лезли и лезли в лицо. Ее колотило от переизбытка чувств, руки тряслись. Пробираться вперед было уже невозможно – никто не собирался двигаться ни на шаг, и Норт остановился. Омарейл уткнулась носом в его плечо, глубоко дыша и пытаясь вернуть себе самообладание. *Вдох-выдох, вдох-выдох.* Медленно, очень медленно невыносимый шум в голове стихал, позволяя принцессе слышать собственные мысли. Где-то далеко проехал целый кортеж: кареты короля и королевы, следом – родителей Севастьяны, Совалии Дольвейн, затем закрытая черная карета с женихом. Последней под рев толпы пронеслась изящная белая – с невестой. Омарейл ощущала давление чужих эмо-

ций и была не в силах справиться с ним. Только когда Даррит взял принцессу за руку и прижал к себе, она наконец почувствовала, что может отстраниться от эмоций толпы. Объятиями он будто создал защитный кокон.

Сколько они так простояли, Омарейл сказать не могла, но, должно быть, не меньше получаса. Время тянулось медленно, солнце припекало, ноги начали ныть от усталости. Но пытаться пробраться к лавке Часовщика и думать было нечего. К тому же Омарейл хоть и понимала, что едва ли сможет рассмотреть сестру, все равно мечтала хотя бы краем глаза увидеть молодоженов.

Наконец церемония в Храме Света подошла к концу. Судя по возгласам, принцесса Севастьяна и ее новообретенный муж вышли на улицу, чтобы поприветствовать народ. Гомон нарастал. Карета – теперь открытая – медленно ехала по площади. Омарейл вытягивала шею и вставала на цыпочки, но люди вокруг делали то же самое, и никакие ухищрения не помогали ей увидеть происходящее. Уже когда молодожены почти проехали мимо, Даррит подхватил Омарейл и, держа за талию, приподнял над толпой. Вцепившись в его плечи, она, смеясь, не обращая внимания на недовольство окружающих, проводила взглядом сестру. Платье, корона и почти белые волосы отражали свет, и рядом с облаченным в черное женихом принцесса Севастьяна сияла, как звезда.

Но едва карета скрылась за поворотом и Даррит поставил Омарейл на ноги, над собравшимися раздался мощный го-

лос:

– Узрите, слепцы! Она – среди нас. Каждый шаг ее – шаг в бездну.

«Мир Ленар! Это Мир Ленар», – понесся гомон среди толпы. Омарейл начала озиаться и наконец увидела его. «Мессия» стоял на цоколе одного из зданий, что ограничивали площадь, у основания толстой колонны. Возвышаясь над толпой, он говорил в специальное устройство, собранное конусом из бронзовых листов, скрепленных болтами. Оно усиливало его голос многократно, позволяя звуку достигать не только каждого уголка площади Храма Света, но и соседних улиц.

– Конец приближается! И сегодня мы узнаем правду! Есть одно истинное пророчество. Доказательство, которое не оставит сомнений в том, что Ордор ждут перемены! И я вам его предоставляю. Предоставляю, чтобы у вас больше не было сомнений. Правда, которая навсегда положит конец всем кривотолкам!

Омарейл слушала как завороженная, но Даррит твердо подхватил ее под локоть и потащил за собой, расталкивая людей. Выступление Ленара придало ему сил, и собравшиеся будто бы даже сами расступались перед ним.

– Ты что, не хочешь послушать, как наступит мой конец, Норт?

– Это еще не конец.

Голос Мира Ленара доносился до них все время, пока Норт и Омарейл добирались до лавки Часовщика. Сперва они слышали его вполне отчетливо. Ленар обещал раскрыть какой-то большой секрет, доказать, что был прав все это время. Затем речь его стала неразборчивой. Зато хорошо был слышен возбужденный гомон толпы.

Через большие окна с частым переплетом было видно, что лавка пустовала. Не переставая озираться, боясь снова столкнуться с гвардейцами, Омарейл вошла внутрь. Звякнул колокольчик на двери, скрипнули половицы. В помещении царила атмосфера безмятежности: пылинки в свете солнца медленно танцевали в воздухе, мерное тиканье сотен часов убаюкивало. Бронзовые корпуса, стеклянные циферблаты и выставленные для обозрения механизмы ловили блики или прятались в тени.

– Может, он тоже пошел смотреть на Севастьяну? – предположила принцесса.

– И не закрыл лавку?

Даррит задумчиво провел ладонью по деревянному прилавку, обогнул его и заглянул в проем, что вел в подсобное помещение.

– Время – податливая материя, – раздался оттуда хриловатый голос, – но не настолько, чтобы его так тянуть.

Переглянувшись, Даррит и Омарейл прошли в небольшую комнату. Часовщик сидел за столом. На его лице, как и прежде, был окуляр с кожаными ремешками, которые расхо-

дились от внушительного объектива и обнимали голову, виски и щеку, как щупальца кальмара. Несколько дополнительных увеличительных стекол крепились к основному, чтобы можно было рассматривать мельчайшие детали часовых механизмов. Последних в помещении было не счесть.

– Добрый день. Меня зовут Норт Даррит, и у меня в книге...

Часовщик не позволил закончить фразу. Он встал и резко сорвал с пола небольшой ковер. Когда пыль чуть осела, на каменной поверхности стал заметен высеченный циферблат не меньше метра диаметром. Ткнув длинным узловатым пальцем в угол комнаты, старик жестко сказал:

– Там на полке – Турбийон. Возьми его.

Круглый механизм размером с тарелку состоял из множества шестеренок и металлических пластин. В самом центре похожие на лапки насекомого детали удерживали диск с выгравированной осой. Под ним плавно вращалась тонкая металлическая спираль. С сомнением во взгляде и осторожностью в движениях, как Шторм некоторое время назад держала руль автомобиля, Даррит взял Турбийон с двух сторон и сделал шаг к Часовщику.

Но тот вновь остановил его, приказав:

– Встаньте оба в центр циферблата и крепко держите Турбийон.

С этими словами Часовщик открыл неприметную дверь, спрятавшуюся между двумя стеллажами. Омарейл ошелом-

ленно уставилась на то, что скрывалось за нею: сотни, если не тысячи шестеренок, стеклянных колб и металлических труб наполняли комнату, делая ее похожей на огромную коробку для гигантского механизма. В самом центре к потолку был подвешен маятник в человеческий рост.

Часовщик подошел к нему и обернулся. Даррит и Омарейл с нескрываемым интересом смотрели на непрестанно движущиеся детали. Вставить в центр изображенного на полу циферблата они не спешили.

– Вы что, оглохли? – грубо спросил старик, а затем, словно решил снизойти до вежливой просьбы, произнес: – Будьте добры, любезные, встаньте куда велено.

– Мне кажется, самое время объяснить нам, что происходит, – заявил Норт.

– Верно. Тебе кажется. – Сомнений быть не могло, Часовщик ухмылялся.

– Кто вы такой и что это все значит? – не сдавался Даррит. Он сделал шаг, как будто хотел зайти в комнату с маятником, и Омарейл заметила, как это движение заставило Часовщика напрячься. Вопреки голосу рассудка, она испытывала неясное чувство доверия к старику, поэтому схватила Даррита за рукав.

– Это же была твоя идея, послушаться книжку, – заметила она негромко.

Вопросительно подняв брови, Даррит взглянул на принцессу, словно не мог поверить, что она не на его стороне.

– Давай сделаем, что он говорит, и будь что будет. Ну что такого может произойти, если мы встанем на нацарапанный на полу рисунок?

Несколько секунд Норт внимательно смотрел ей в глаза, и Омарейл начала думать, что он откажется.

– Уверена, сразу после мы получим все объяснения. А пока он слишком нервничает, чтобы отвечать на наши вопросы.

Они посмотрели на Часовщика, который ответил им крайне нетерпеливым взглядом. Окуляр воинственно блеснул, отразив латунный маятник.

Даррит и Омарейл медленно шагнули в начертанный на полу круг.

Удовлетворенно кивнув, Часовщик принялся раскачивать маятник, считая вслух:

– Один, два, три...

Шестеренки в комнате начали вращаться быстрее, из некоторых труб пошел пар.

– ...четыре, пять, шесть, семь...

Стало шумно, и казалось, что-то должно непременно взорваться, выйти из строя, воспламениться.

– ...восемь, девять, десять, одиннадцать...

Норт поднял Турбийон повыше, чтобы иметь возможность получше рассмотреть механизм, и принцесса против воли тоже взглянула на загадочный предмет. Тот мягко гудел.

— ...двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Спирали на Турбийоне начали вертеться с невероятной скоростью.

— ...шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать...

Омарейл взглянула на Даррита — тот заворуженно следил за механизмом, блики таинственно играли на его лице.

— ...двадцать один, двадцать два, двадцать три... — громко и монотонно, почти нараспев говорил Часовщик, продолжая ритмично качать маятник.

— двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь...

Он резко остановил качающийся диск.

Была ли это лишь игра света и тени на металлических гранях или в центре Турбийона начала появляться черная воронка? Оса завибрировала.

Мир пошатнулся.

Глава 2

Приют песчаника

Невидимая волна прошла сквозь Омарейл, а затем воронка на спирали начала затягивать принцессу в свою черную глубину. Вселенная вздрогнула, и все закончилось. Даррит все так же стоял рядом и сжимал Турбийон.

Потребовалось несколько секунд, чтобы Омарейл пришла в себя и обратила внимание на обстановку комнаты – а та заметно изменилась. Расположение двери и отсутствие окон говорили о том, что это было то же помещение, но теперь вместо множества часов на полках стояли бесконечные ряды книг. Присмотревшись, принцесса увидела, что книги расположились и на полу, стопками разной высоты создавая причудливый ландшафт. Пахло тоже иначе: старой бумагой, библиотечной пылью и деревом. Дверь, ведущая к шестеренкам, была заперта.

Даррит и Омарейл переглянулись, но не успели обменяться и парой слов, как раздался знакомый голос:

– А вот и вы!

Обернувшись, принцесса обомлела: в дверном проеме стоял господин Лодья. В последний раз с учителем истории из Астардара они виделись в Клоустене, когда он помог Дарриту после нападения. И вот Лодья снова появился на их пу-

ти, но сейчас он выглядел гораздо моложе: в светлых волосах не проглядывала седина, лицо было гладким, хотя морщины на высоком лбу уже прочертили несколько полос.

Омарейл впервые по-настоящему смогла увидеть и осознать, как возраст меняет людей, в то же время сохраняя знакомые черты. Вот только она боялась думать, почему этот мужчина так внезапно помолодел.

– Полагаю, вы ждете объяснений? – скучающе уточнил тем временем Лодья. – «Где мы? Что происходит?» Садитесь. – Он указал на круглый стол и добротные деревянные стулья.

Даррит не отрывал от мужчины взгляда, будто в любой момент ожидал нападения. Омарейл же слишком хотела услышать ответы на вопросы, крутящиеся, как верно угадал Лодья, в ее голове. Поэтому она приняла приглашение и даже согласилась на чашку чая.

– Меня зовут Лодья. Тон Лодья, но прошу называть просто Лодья, – сказал он, снимая с небольшой печки чайник.

– Да мы, вообще-то, знаем, как вас зовут, – ответила Омарейл, и тот с грохотом опустил чайник обратно на угли.

– Не говорите ничего! – Лодья поднял руки. – Если, по-вашему, мы и встречались раньше, я не должен об этом знать. Садись уже, – обратился он к Дарриту, – я не опасен. И бежать никуда не собираюсь, если ты этого боишься. Я здесь исключительно для того, чтобы помочь вам.

– Помочь с чем? – уточнил Даррит, соглашаясь наконец

сесть.

– Этого я не знаю.

– Вы издеваетесь?! – воскликнула Омарейл, а Норт раздраженно застучал пальцем по столу.

Лодья налил две чашки крепкого черного чая и поставил их перед гостями.

– У вас есть какая-то проблема, – терпеливо пояснил он, – и Часовщик отправил вас сюда, чтобы решить ее. Моя задача – объяснить, что к чему, как это все работает, а затем отправить обратно.

– Сюда – это куда? – озвучил Норт витающий в воздухе вопрос.

– В прошлое, дорогой мой друг, в прошлое.

Первую порцию чая сменила вторая. Омарейл все еще чувствовала себя немного глупо, думая о путешествии во времени всерьез. Она не могла уложить в голове, что Турбийон отправил их сквозь года. Но других объяснений не находилось: никакой розыгрыш или обман не смог бы так омолодить человека и изменить интерьер комнаты за считанные секунды. Если верить Лодье, они оказались в 535 году Доми-насолис, то есть за пять лет до рождения Омарейл и за двадцать семь лет до свадьбы Бериота и Севастьяны.

Увы, на вопросы о научной составляющей, которая интересовала Даррита, ответов не было. Проводник – именно так называл себя Лодья – знал только, что с помощью Турбийона

и маятника Часовщик мог отправлять людей в прошлое. Как работал этот механизм, Проводника не касалось.

– И что любопытно: я могу быть вообще никак не связан с Путешественниками. Это пятое перемещение, для моих современников прошел месяц, для меня уже около двух лет. При этом Путешественники, которым я помогал, были из других времен. Вот вы сказали, что вернулись на двадцать семь лет назад, а я только на двадцать два. Между моим родным, так сказать, временем и вашим – пять лет.

У Омарейл голова шла кругом. Но одна мистическая история наконец получила объяснение. Директор школы Дан Дольвейн как-то рассказал принцессе, что Лодья был его ровесником, и ее это очень удивило: учитель истории выглядел гораздо старше. Дан сказал, что в одно лето Лодья внезапно постарел. Теперь Омарейл знала: просто несколько лет своей жизни этот человек провел, путешествуя сквозь года.

– Все это очень интересно! – с энтузиазмом заявил он. – Если рассматривать время как...

– Вы давно здесь? – остановил Даррит готового пуститься в рассуждения Лодью.

Тот совсем не обиделся и с немалым удовольствием ответил:

– Два месяца. Точный день или час поймать трудно. Это неплохой результат. В прошлый раз я ждал Путешественника почти год. К счастью, это была эпоха после короля Сола. К счастью – потому что во времени межплеменных войн

я взвыл спустя неделю. Туда я предпочел бы больше не отправляться!

Омарейл вспомнила уроки истории. Рассказы господина Лодьи о событиях прошлого всегда получались такими яркими, такими достоверными, что Омарейл казалось, он видел все собственными глазами. Выяснилось, что это была не просто фигура речи.

– Должен сказать, новости вы приняли весьма достойно, – заметил он. – Кое-кто из Путешественников даже лез в драку, желая услышать «правду». Другие до последнего не верили мне. Доказывать факт путешествия во времени – утомительное и скучное занятие.

– Как бы невероятно ни звучали ваши слова, теперь кое-что прояснилось, – отозвалась Омарейл. – Но если это все правда, как это может нам помочь?

Но ответа не было. Часовщик считал, Проводнику не следовало знать, с какой проблемой явились Путешественники. Все, что ему полагалось, – объяснить принцип и помочь в бытовых вопросах: предоставить современную одежду, дать крышу над головой.

– Что ж, думаю, мы и сами догадываемся, что именно нужно изменить, – сказала Омарейл и взглянула на Даррита.

Тот нахмурился, лицо его выражало сомнение.

– А вот здесь самое интересное. – Лодья даже подвинулся на край стула, так был воодушевлен тем, что собирался рассказать.

Омарейл ощущала исходящие вибрации восторга.

– Изменить ничего нельзя.

Ее желудок неприятно сжался.

– Поясните, – закатив глаза, попросила она.

Какой смысл возвращать их в прошлое, если они не могут ничего изменить? Какой тогда вообще смысл в путешествиях во времени?

– Вы можете повлиять на свое будущее, но не на прошлое. Все, что для вас двоих уже произошло, – случилось. Оно не изменится, как бы вы ни старались.

Омарейл недоуменно подняла брови:

– Но если мы, например, пойдем и убьем Сову, будущее – в смысле, наше прошлое – уж точно изменится.

Лодья снисходительно улыбнулся. Судя по интонациям, ему приходилось объяснять правила не один раз:

– Если для вас это не произошло, значит, вы этого не сделали. А причин может быть сотня. Начиная с того, что вам кто-то помешал, и заканчивая тем, что вы не убийцы и не каждый способен лишить жизни другого человека.

– А если... – начала было Омарейл.

– Любое «если», – устало прервал ее Лодья, – найдет свое объяснение. Например, вы кому-то что-то расскажете в надежде предупредить, но человек может вам не поверить, может принять решение действовать не так, как вы хотели бы, может совершить ошибку. Да он может потерять память и забыть ваш разговор! В итоге все в любом случае сложится

так, как сложилось. *Изменить ничего нельзя*. Все произойдет так, как произошло.

– Тогда зачем...

– Вы здесь, чтобы произошло то, что должно. Вы совершите какие-то действия, которые повлияют на ваше прошлое или будущее. Возможно, вам даже известно об этих событиях, просто вы пока не знаете, что они – ваших рук дело.

Омарейл не нравилось то, что она слышала.

– Звучит так, как будто все предрешиено. Что бы мы ни сделали, все будет так, как будет...

– Напротив! – воскликнул Лодья. – Эх...

Он досадливо потер лоб, подыскивая правильные слова.

– Понимаешь, ты сама творишь свою жизнь, и то, что в ней произошло, – результат твоих действий.

– Со всем уважением, вы глубоко заблуждаетесь, – мрачно отозвалась принцесса, тут же подумав про Сову и ее предсказание.

Вот уж на что она совершенно никак не повлияла!

– Просто послушай: один мальчишка изучал в школе историю. А потом отправился в прошлое и стал участником тех самых событий, о которых слушал на уроках. Можно было бы подумать, что сейчас он исправит все несправедливости, раскроет людям правду и вообще предотвратит смерть Урдрика. Только учился он из рук вон плохо, поэтому не помнил, что именно произошло. В результате действовал интуитивно – так, как считал нужным в той или иной ситуации.

И все случилось как случилось. Не потому, что «судьба!», и не потому, что все было предрешено, а потому, что стечение обстоятельств и решения, принятые этим парнишкой, могли сформировать только такую реальность. В итоге он попал в учебник, но не под своим именем, а под вымышленным, которое выбрал для себя во время путешествия в прошлое. Это все очень увлекательно, на самом деле...

Возбужденная улыбка исчезла с лица Лодьи, когда он встретился с хмурым взглядом Даррита.

– Но расскажу вам об этом как-нибудь в другой раз...

Омарейл же с сомнением протянула:

– Звучит, конечно, любопытно, но если мы не можем изменить то, что исковеркало всю мою жизнь, я не понимаю, зачем все это нужно.

– А ты уверена, что готова была бы рискнуть и изменить все? Если бы, теоретически, ты изменила то, что кажется ключевым моментом, то все, что было после, произошло бы по-другому. Ты была бы готова вернуться в иное будущее? В будущее, где не было этого важного события?

Омарейл задумалась. Если бы такой разговор состоялся еще пару лет назад, она бы точно ответила утвердительно. Но теперь... теперь, вопреки голосу разума, ей хотелось сказать «нет». Какой принцессой она бы стала, не будь пророчества? Какими из-за ее дара стали бы окружающие? В какой Ордор она бы вернулась?

– И все же... – игнорируя вопрос, отозвалась она, – ес-

ли я не могу ничего изменить, для чего Часовщик отправил нас сюда? Я понимаю, что могу изменить свое *будущее*, – последнее она произнесла чуть язвительно, чтобы дать понять, насколько скептически относилась к такой перспективе, – но это все так ненадежно, так... сложно. С меньшим успехом мы могли просто... поймать Сову, запереть ее в каком-нибудь подвале, а в это время отменить пророчество.

Омарейл знала, что они не стали бы действовать по такому плану: слишком многое могло пойти не так, а Сова была слишком сильным эксплетом. Принцесса помнила, как однажды Даррит внушением едва не заставил спортивного, сильного Мая спрыгнуть с лодки, так что дар эксплета был способен противостоять физической угрозе. Уж если Совалия Дольвейн сумела убедить целое королевство в том, что новорожденную принцессу следовало запереть в башне, справиться с несколькими гвардейцами смогла бы и по давню. Идти по пути насилия означало недооценивать противника.

– Дай себе время, – Лодья мягко улыбнулся, – время все расставит на свои места.

– Вам известно, сколько мы здесь пробудем? – подал наконец голос Даррит.

Судя по тому, как долго он молчал, Норт *думал*. Омарейл даже не была уверена, что он слышал все, о чем рассуждали его собеседники. Теперь, вынырнув из собственных мыслей, он подошел к делу рационально.

– Один момент. – Лодья взял со стола Турбийон. – С

его помощью вы вернетесь в свое время. Плюс-минус. Я постоянно оказываюсь на пару часов раньше. Этот циферблат, – Лодья ткнул пальцем в сердце механизма, – показывает, сколько осталось до возвращения. Это – не часы и минуты, а дни и недели. Судя по всему, у вас около двух недель, даже меньше. Станет понятнее через несколько дней. Сейчас послушайте внимательно: чтобы вернуться в свое время, в тот момент, когда стрелки будут на полуночи, вы должны быть в этой комнате. Должны оказаться на том же самом месте, куда сегодня переместились, и должны держать Турбийон. Запомнили?

Омарейл и Даррит молча кивнули, проникаясь важностью услышанного.

– Когда стрелки будут на полуночи, Турбийон вернется в свое время, и его не будет волновать, вернулись ли Путешественники вместе с ним. Шанс только один.

Теперь принцессе стало не по себе. Лодья говорил так напористо...

– Бывали случаи, когда Путешественники не успевали?

– Бывали.

Внутренности Омарейл сжались болезненным спазмом. Ощущение глубокого отчаяния передалось от Лодьи, заставляя отнестись к его словам со всей серьезностью.

– Вы сказали, поможете с крышей над головой? – стараясь отделиться от чужих эмоций, спросила Омарейл. – Если у нас две недели на миссию, что бы это ни было, нужно где-

то обосноваться.

Лодья снимал квартиру в паре кварталов от лавки. В ней обнаружили две свободные спальни, кроме того, имелась кухня, столовая и «ватерклозет».

– Большая удача, между прочим, – заметил Лодья, постукав по деревянной двери, – во многих домах отходные места расположены прямо на лестнице или имеют ретирадники во дворах. Здесь хороший домовладелец, внедряет у себя все новинки. Это все еще не канализация, к которой мы привыкли, – ее начнут вводить в широкое использование только через пять лет, – а лишь ее зачатки. Интересная система, труба ведет вниз к выгребной яме... – Поймав взгляд Даррита, Лодья прервал лекцию и коротко сказал: – Баня через два дома отсюда. Таз и кувшин – в умывальне. Водовоз приходит каждое утро, но будьте экономнее.

Показав кладовку с продуктами и металлическую плиту, которую следовало топить углем, хранящимся тут же, Лодья вернулся в лавку. Путешественники остались одни. Кухня и столовая были объединены здесь в одну комнату, и поэтому, когда Даррит стал готовить чай, Омарейл села тут же за овальный обеденный стол, задумчиво подперев голову кулаком.

– «Что может произойти, если мы встанем на сделанный на полу рисунок?», правда? – произнес Норт, явно передразнивая Омарейл.

Принцесса внутренне возмутилась, но ответила спокойно, нарочно чуть растягивая гласные, как это делал при разговоре он:

– «Думаю, встреча с Часовщиком не продлится долго».

Она фыркнула. Он тоже слегка усмехнулся.

– Это ведь все правда, Норт, – заметила Омарейл после паузы, во время которой он добавил в чайник заварку и сахар. – Я обратила внимание на прохожих, пока мы шли по улице: все одеты по моде тридцатых годов.

– Вы, как всегда, наблюдательны. Я тоже попытался получить доказательства и заглянул в почтовый ящик одной из квартир, пока мы поднимались по лестнице. На почтовом штампе значился тридцать пятый год. Едва ли кто-то обратил бы внимание на такую мелочь, будь все это розыгрышем или чьим-то хитрым планом.

– Согласна, – кивнула принцесса, а затем задумчиво продолжила: – Сегодня двадцать пятое число восьмого месяца... Пропустили лето, – и, не дождавшись ответа, сказала: – Я думаю, что даже если у Мира Ленера есть какие-то *доказательства*, о которых он вещал на площади, нам нужно что-то, что будет еще мощнее. Аргументы, которым никакие «доказательства» не помогут. И, видимо, нам нужно подготовить их здесь и сейчас.

– Это должно быть что-то, что не просто разобьет версию Ленера, – поддержал Даррит, ставя на стол чашки с чаем и усаживаясь напротив Омарейл, – но и будет ясно говорить:

«Предсказание – ложь».

– Да, и «Сова – мошенница», – охотно отозвалась Омарейл. – Мы обязаны как-то воспользоваться тем, что оказались в прошлом.

Лицо Даррита снова стало отрешенным.

– Это – конечно, – проговорил он, но затем взгляд его сделался сосредоточенным, не дав Омарейл времени обдумать многозначительный тон. – Например, сделать другое предсказание.

– Но оно не может быть оглашено до предсказания Совы, – медленно произнесла Омарейл, забыв про чай. – То есть, судя по тому, что говорит Лодья, оно *не будет* оглашено по крайней мере до свадьбы Севастьяны, иначе мы бы об этом знали.

– Разумеется. Никто не должен знать о нем до поры до времени.

– Нужно написать его и спрятать. – Принцесса встала и начала расхаживать по комнате, так идея вдохновила ее. – Причем спрятать так, чтобы сомнений не оставалось: оно было сделано еще до моего рождения.

Даррит откинулся на спинку стула:

– Вернувшись, нам останется публично обнаружить его и прочесть.

Его взгляд блуждал по комнате, будто он мысленно искал возможные дыры в плане.

– Что насчет газеты? – предложила Омарейл. – Возьмем

сегодняшнюю газету с указанной датой и напишем предсказание на ней, а затем спрячем?

Задумчиво потерев подбородок, Норт все же покачал головой.

– Все выпускаемые газеты в двух экземплярах хранятся в архиве Печати Советника по Связям с Общественностью. Знающие люди могут заявить, что мы просто взяли один из архива. Или даже что по приказу Короля была напечатана фальшивая. Не думаю, что ради свободы дочери и безопасности Ордора он не мог бы пойти на такую небольшую авантюру.

Повисла долгая пауза. Омарейл прошлась до кладовки, чтобы принести немного еды, и прибежала оттуда не только с печеньем, но и с идеей.

– Дерево! – воскликнула она. – Дерево, вот что уж никак не подделать.

Даррит заметно оживился:

– Это хорошая мысль.

– Иан Планта, еще когда приходил ко мне на аудиенцию как Патер Фортосдора, рассказывал, что в их краях есть дерево, в которое задолго до Сола врос топор. И оно считается священным местом лесорубов – якобы это Древо древ, которое не поддавалось орудию человека. Каждый год люди приходят туда, чтобы поблагодарить лес за его дары. Завязывают на ветках цветные ленточки, поют песни... Что, если мы тоже найдем дерево и сделаем так, чтобы в него вросла, на-

пример, бутылка с посланием?

– Прекрасная идея. Думаю, правильнее будет взять не бутылку, а изделие из бронзы или меди, чтобы дерево не раздавило стекло. Поместим предсказание в металлическую шкапу, а ее – в дерево, так будет надежнее.

Омарейл предложила пойти поискать что-нибудь в ближайших магазинчиках, но Даррит напомнил ей, что в этом времени был уже вечер. Лодья отправился в свою лавку, чтобы закрыть ее и навести порядок. Он должен был скоро вернуться домой.

– Поэтому предлагаю вам отправиться в свою комнату и лечь отдыхать. А я пойду прогуляюсь. – С этими словами Норт встал, убрал за собой чашку, после чего вышел из столовой, оставив чуть растерянную принцессу смотреть ему вслед.

Допивая остывший чай, Омарейл хмуро глядела в окно. Она была полна бурлящего желания разработать вместе с Дарритом план по уничтожению Совы, а он убежал, оставив ее одну. Если ему так захотелось прогуляться, мог бы предложить сделать это вместе! Неприятные ощущения появились под ребрами, дышать стало труднее. Глаза щипало, а горло сдавило, отчего невозможно было сделать вдох. Так ощущались ревность и обида – чувства, посещавшие Омарейл нечасто.

Спать решительно не хотелось. Допив чай и убрав со стола, она тоже вышла из квартиры.

В этом времени ее особенно привлекало то, что она могла совершенно спокойно ходить по улицам: никто не мог узнать ее, никто еще не пытался поймать. Правда, ей быстро напомнили о том, что совсем уж расслабляться не стоило: неприятные чувства, поселившиеся в душе, тут же начали расплескиваться на прохожих. Женщина, с которой Омареил случайно столкнулась, воскликнула с несообразным ситуации надрывом:

– Да в чем же дело? Почему вы так неосторожны? Ваша бездумность причинила мне боль!

– Простите, госпожа, – отозвалась принцесса.

Быстро сообразив, в чем дело, она взглянула женщине в глаза:

– Мы лишь едва соприкоснулись локтями. Думаю, обе сможем справиться с этой травмой.

Несмотря на легкую насмешку в словах, через взгляд она постаралась передать спокойствие и надежду на лучшее.

Женщина глубоко вздохнула:

– Разумеется. Извините, не знаю, что на меня нашло.

Теперь Омареил добавила контакту чуть теплоты и юмора. Ее собеседница улыбнулась:

– Какая нелепость, право.

Принцесса улыбнулась в ответ:

– Все в порядке, я просто напугала вас. Не переживайте.

Настроившись на то, чтобы передать положительные эмоции женщине, Омареил и сама испытала внутренний подъ-

ем.

К тому же летний вечер в Астраре был прекрасен. Солнце, которого уже не было видно за домами, все еще освещало улицы, окрашивая их в желтый. Пахло пылью, теплым камнем и зеленью. Люди неспешно шли по своим делам: бежать никуда не хотелось.

Город не сильно изменился за двадцать семь лет, хотя многие повозки и конные трамваи выглядели чуть иначе, а платья у женщин были пышнее, чем во времена Омарейл. Ее собственное сейчас казалось ну очень скромным: никаких рюшей и кружев. Автомобили отсутствовали, дирижабли не пересекали небо и не пугали огромными тенями, хотя и в привычном принцессе мире это средство передвижения оставалось скорее редкостью. Астрар показался Омарейл незбылемым, вечным. Будто каменные стены и мощеные улицы были здесь всегда и будут много веков спустя. Время не властно над этим городом.

Время... Омарейл пыталась понять, почему так легко приняла новость о путешествии в прошлое, и решила, что до сих пор до конца в него не поверила. Все вокруг было реальным, наполненным повседневной рутиной. Вот если бы небо вдруг стало зеленым или у людей выросли вторые головы, ей было бы легче осознать, что произошло что-то необычное.

Принцесса держала свой путь к Королевскому каналу. Она прошла по улице Доблести, мимо дома, где будет жить или уже жил Пилигрим. Омарейл посчитала, что будущему

гвардейцу сейчас около десяти лет.

Королевский канал выглядел будто бы таким же, каким его помнила принцесса: та же прочная каменная набережная с высеченными ступеньками, та же чугунная ограда. Разве что теперь вдоль него росло больше деревьев, а на воде не было ни одной моторной лодки, только суда с веслами да паровые катера с огромными гребными колесами. А еще на небольших спусках тут и там девушки в простых серых платьях полоскали белье. Рядом с ними стояли огромные корзины с уже мокрыми тряпками, а сверху, на мостовой, ждали телеги.

Водопровод к домам Астрара стали прокладывать только при Эйгире, отце Омарейл. А двадцать семь лет назад в Ордоре правил Грог, ее дед. Именно его портрет висел в комнате Лебединой башни и скрывал тайный проход, по которому удалось сбежать из темницы. Эйгир же пока был молодым принцем, уже повстречавшим свою будущую принцессу, но только готовящимся связать себя узами брака. Он даже не догадывался, какие испытания принесет этот союз.

А что Сова? Где она была сейчас, что делала? Омарейл помнила, что господин Дольвейн, ее муж, служил Советником Короля, значит, Совалия уже была при дворе. Уже готовила Бериота – еще ребенка – к светлому будущему на посту отца. Дан же был совсем малышом.

Какими детьми были братья Дольвейны? Какой в молодости была Сова? До предсказания оставалось всего пять лет.

Должно быть, у нее уже не было сердца.

А Даррит... Омарейл замерла. А родился ли Даррит? Она начала искать в памяти хоть что-то, что дало бы ответ на этот вопрос. Ему было двадцать семь, значит, они попали в год его рождения. Но дата – дата была ей неизвестна.

«А что, если он родился сегодня?» – вдруг мелькнула мысль в голове принцессы. Это объяснило бы его стремительное исчезновение: ведь он не знал, кем были его родители, не знал, кто оставил его на пороге дома старой Фраи. Что, если именно сегодня он мог это выяснить?

Вся обида, что черной кляксой разлилась в душе Омарейл, испарилась. Ее место заняло чувство вины: надо же было быть такой эгоисткой, чтобы думать только о предсказании и собственной судьбе! А потом еще и обидеться.

Она обязательно узнает, что к чему, когда вернется в квартиру Лодьи! Желание все выяснить заставило ее ускорить шаг.

Несмотря на то что день неуклонно приближался к концу, воздух, напитавшийся солнцем, был все еще горяч. Но с Королевского канала тянул легкий ветерок, который делал прогулку весьма приятной. Омарейл прошла по набережной до самого указателя «Театральная площадь». Свернув, принцесса вскоре оказалась там, где впервые увидела и Шторм, и Мая. Подумать только, их-то точно еще и в помине не было!

Посреди площади, так же, как и двадцать семь лет вперед, стояла сцена, напротив которой разместились многочисленные скамейки. К концу подходил какой-то спектакль.

Омарейл не стала приближаться, продолжая свой путь вдоль домиков, что окружали площадь. На первых этажах здесь располагались лавки и мастерские. Место было пропитано духом творчества. Правда, сейчас путешественнице оставалось только разглядывать витрины, так как все уже закрылось. На одной из стеклянных дверей она увидела листок бумаги с написанными от руки словами: «Требуется продавец».

Принцесса остановилась и задумчиво потерла подбородок. Им предстояло провести в прошлом две недели. Было как-то неудобно перекладывать всю ответственность за еду и жилье на Лодью. Кроме того, Омарейл могли понадобиться деньги на другие вещи вроде одежды или хорошего мыла. Не выпрашивать же каждый соль, честное слово! Вновь обращаться к покеру ей не хотелось, а вот честный труд в такой лавке был бы правильным способом заработать.

Омарейл посмотрела на вывеску, окинула взглядом витрину: здесь делали и продавали изделия из кожи. Запомнив место, она кивнула своим мыслям и бодро пошла дальше.

В квартиру Лодьи она пришла, когда уже стемнело. По дороге принцесса искала, куда пристроить новое предсказание, но подходящего для их плана дерева не нашла: чем ближе к

площади Храма Света, тем меньше зелени встречалось. Как писал о центральном «старом» Астраре один поэт, этот город был «приютом песчаника и известняка».

Ожидая встретить дома сердитого Даррита, сдержанно интересующегося, где она была так долго, Омарейл немного растерялась, обнаружив там только Лодью.

Следом вернулся и Норт и, увидев осуждающе-негодующий взгляд Омарейл, тут же сказал:

– Я ушел далеко, не рассчитал время.

– Уже стемнело, я волновалась! – возмутилась она.

– Но ты же сама вернулась пару минут назад, – заметил наблюдавший за сценой Лодья.

– И это были очень волнительные две минуты!

Пока Лодья готовил скромный ужин из жареных яиц и тушеных овощей, Омарейл решила поговорить с Дарритом. Постучав в дверь, что вела в его комнату, она ожидала мгновенной реакции, но ответ последовал не сразу. Наконец он открыл, но так, чтобы она не смогла пройти внутрь. Подавив возникшее раздражение, принцесса прошептала:

– Норт, когда у тебя день рождения?

Было любопытно наблюдать за изменениями в выражении лица и позе Даррита: такими незначительными, но означавшими так много. Плечи его чуть опустились – очевидно, спало внутреннее напряжение. Брови перестали сходиться на переносице, губы расслабились. Холодный, отстраненный, закрытый мужчина вновь стал родным и знакомым.

– Через неделю, – ответил он, отводя взгляд.

Омарейл застыла: отлично, узнала ответ, что теперь? Этот момент она не продумала. Ее не учили, что следует говорить в подобных ситуациях, чтобы не показаться грубой и бестактной.

«Ну что, будешь выяснять, кто тебя подкинул?» – даже в голове принцессы это звучало ужасно.

Поразмыслив, она подалась вперед, чуть толкнув дверь, и обняла замершего Даррита. Ей хотелось вложить в этот жест всю свою нежность, чтобы избавить Норта хотя бы от части той боли, что он испытывал. Не сразу, но это сработало. Он позволил себе обнять ее в ответ, легко сжал талию, мягко, но уверенно прижал к себе.

– Ужин готов, – раздался довольный голос Лодьи, вышедшего в коридор. – А, вы обнимаетесь. Ну не торопитесь, я не буду убирать с плиты, чтобы не остыло.

Он развернулся и ушел обратно на кухню. Даррит и Омарейл по своему обыкновению отстранились, молча разошлись, а за ужином разговаривали, как будто ничего не произошло. Но обстановка явно стала менее напряженной.

Даррит тоже не нашел подходящего дерева и на следующий день собирался продолжить поиски.

– У меня есть пара, кхм, личных дел, – добавил он будто бы неловко, – поэтому, если не возражаете, завтра мы разделимся.

Омарейл пока не хотела говорить, что собиралась устро-

иться на работу, подозревая, что Норт сочтет это очередной сумасбродной идеей, поэтому просто ответила:

– Да, конечно.

Так закончился этот длинный день, в котором утро и вечер разделяли почти десятилетия.

Глава 3

Луми

– Я предприимчивая и общительная, – уверенно заявила Омарейл. – Словоохотливая и могу найти общий язык почти с кем угодно.

– Вы нам не подходите, – был ответ.

Она сперва сочла это шуткой, однако мужчина, что сидел напротив, казался совершенно серьезным.

– Что вы имеете в виду – не подхожу? – возмущенно спросила она.

И тут же почувствовала взаимное негодование. Хозяин кожевенной мастерской раскраснелся, лоб его покрылся потом.

– Вы выскочка. Самонадеянная, неисполнительная девчонка.

Постаравшись подавить раздражение, так и рвущееся наружу, Омарейл процедила:

– С чего вы это взяли?

– Ваша одежда, ваша манера речи и то, что вы ищете работу, вместо того чтобы помогать отцу или мужу, – все указывает на это. Молодой женщине не пристало ходить одной по лавкам и предлагать себя.

Несмотря на острое желание продолжить спор, принцесса

вскочила со стула и вылетела на улицу. Как же ее возмутил и разозлил этот человек! Эмоции никак не поддавались контролю, так и рвались наружу. А ведь, учитывая, что они вернулись на четверть века назад, представления хозяина мастерской были вполне соответствующими времени. Женщины уже могли получать образование, работать и даже занимать руководящие должности, но в сознании многих все еще были чьими-то женами или дочерьми, но никак не отдельными личностями.

Омарейл расстроилась, что план с работой провалился. Она уже вообразила, как будет продавать кожаные сумки и ремни. В этом она видела возможность не только заработать средства к существованию, но и получить новый интересный опыт.

За время учебы в школе и путешествия по Ордору принцесса по-настоящему осознала, насколько многообразной была жизнь. Жизнь, наполненная бесконечным множеством маленьких миров: несколько улиц прибрежного городка превращались в целую вселенную для компании мальчишек – в это же время их сверстники в столице пропадали в боксерском зале, а ребята из Фортосдора изучали лесной промысел, выходя с отцами на работу; театр создавал свою реальность для актеров, им казалось, что нет ничего важнее премьеры, а череда репетиций наполняла день, как корешки и соцветия наполняли кладовку травницы; чья-то жизнь сосредоточилась на небольшом отеле, чья-то – на целом городе.

Все это Омарейл принимала с жадностью голодного человека, дорвавшегося до еды, но ей постоянно казалось, что она что-то упускает. Невозможно было разглядеть каждую деталь, увидеть все, что наполняло повседневность жителей Ордора. *Работа* в самом будничном ее смысле казалась принцессе еще одной возможностью глубже понять природу вещей.

Идя вдоль ряда невысоких домов с расположенными на первых этажах лавками, она заметила еще одно объявление: искали управляющего магазином. Такая перспектива показалась ей даже интереснее. Омарейл не боялась, что опьянеет, почувствовав власть, к тому же она многое знала о грамотном распределении ресурсов, финансах и управлении. Магазин одежды казался отличной площадкой для того, чтобы получить опыт руководителя, пускай и в таких скромных масштабах.

Принцесса с приливом энтузиазма вошла внутрь.

Сотрудники встретили ее холодными оценивающими взглядами. Омарейл сразу сделала мысленную пометку: как только она займет должность, научит консультантов быть любезными с любыми посетителями, даже если на них не самое дорогое платье.

Однако этим планам тоже не суждено было осуществиться. Когда хозяин, проводивший беседу, с наигранным сожалением заявил, что ищет другого кандидата, Омарейл со всем возможным спокойствием спросила:

– Какие именно качества вам требуются, господин...

Тут она замолчала с приоткрытым ртом: Омарейл забыла имя хозяина магазина, хотя он называл его при знакомстве. Ее щеки мгновенно покраснели.

– Хорошая память для начала, – насмешливо ответил тот.

Наивно было думать, что она так легко получит работу. Негодуя и сердясь на себя и заносчивых владельцев лавок, Омарейл нашла еще одно заведение – кафе «Луч», – которому требовалась официантка. Отбросив все нравоучения Даррита, она беспринципно использовала дар эксплета на управляющем, и тот согласился взять ее в качестве помощницы для старшего официанта. Но первый же час обучения новой должности заставил Омарейл усомниться в правильности решения. Требований к ней было очень много, дел – по горло, а вот удовольствия работа не сулила.

– Если пьяные будут буянить, распускать руки, мешать другим гостям – твоя задача мягко и ненавязчиво выпроводить их из нашего кафе.

Принцесса подумала, что для этого дар эксплета мог бы пригодиться.

– Если кого-то на тебя стошнит...

Омарейл не дослушала. Она молча сняла фартук, положила его на стол и вышла из зала. Управляющий проводил ее понимающим взглядом.

Обдумав все, Омарейл решила, что работа официанткой ей не подходит: во-первых, принцесса начала осознавать, что

слишком брезглива по отношению к посторонним людям. Во-вторых, труд официанта слишком тяжел. Белоручкой она себя не считала, но все же рассчитывала найти что-нибудь полегче.

Принцесса брела по мощеному тротуару, пытаясь справиться с разочарованием. Омарейл не знала, что ждало ее в будущем, но предполагала, что возможность устроиться консультантом в магазин ей больше не выдастся.

А ведь она уже нафантазировала: придет домой, похвастается Дарриту, что нашла работу и обеспечила их деньгами. Наконец, не он, а она решила финансовый вопрос. И вот такой провал.

Тут взгляд ее упал на витрину с пестрыми ковриками разных размеров и цветов: одни, сплетенные из толстых нитей, подходили, чтобы вешать на стену, как панно, или класть на столик, другие же, из лоскутов ткани, предназначались для пола. Омарейл залюбовалась. Ей не доводилось видеть ничего подобного.

Через стекло она заглянула внутрь. Там за прилавком стояла женщина лет сорока. У нее были ярко-рыжие волосы и простое платье коричнево-кирпичного цвета. Принцесса решительно поджала губы и вошла внутрь.

– Здравствуйте, – с порога уверенно произнесла она: чтобы добиться успеха, следовало действовать бесстрашно и порой даже нагло.

Женщина чуть вздрогнула, словно не ожидала, что кто-

то может заявиться в ее лавку, да еще так рано – дело не подошло и к полудню.

– Скажите, хорошо ли у вас идет торговля?

Взгляд охристо-карих глаз метнулся в один угол комнаты, затем в другой. Ни там, ни там не было ответа, почему дерзкая молодая особа задает подобные вопросы.

– Могло быть и лучше, – призналась наконец женщина.

– А что вы скажете, если я предложу вам за две недели увеличить продажи вдвое?

Да, амбициозно. Да, возможно, больше похоже на ложь и пустые обещания. Но Омарейл действительно готова была приложить усилия, чтобы добиться такого результата! Чем не интересный вызов?

– Скажу, что два, умноженное на ноль, не слишком меня впечатлит, – пожала плечами женщина, чуть улыбнувшись.

Это была мягкая и ироничная улыбка, и Омарейл рассмеялась в ответ.

А затем обе застыли, внимательно глядя друг другу в глаза. Потому что обе почувствовали эту *тишину*. Первой заговорила принцесса.

– Вы эксплет? – удивленно выдохнула она в ответ на весьма заинтересованный взгляд. – Позвольте представиться, я – Мирра.

– Госпожа Тулони, – отозвалась женщина.

Повисла пауза.

– Возьмете меня на работу? – спросила наконец Омарейл.

– Мне едва хватает на то, чтобы арендовать эту лавку, дорогая моя, и то благодаря сезонным ярмаркам, – пожалала плечами госпожа Тулони, – платить тебе мне просто нечем.

Но уж теперь уходить с пустыми руками принцесса точно не собиралась. Хозяйка – эксплет: такими знакомствами не разбрасываются. Поэтому она предложила госпоже Тулони выплачивать жалованье, только если коврики действительно начнут продаваться лучше обычного и у мастерицы появятся дополнительные средства.

Хозяйку лавки такое предложение устроило, тем более что Омарейл определенно вызвала у нее любопытство.

– Можете начинать хоть сейчас, – сообщила госпожа Тулони, пропуская принцессу за прилавок.

Омарейл даже слегка растерялась: она уже смирилась с тем, что ничего не выйдет, и тут желаемое внезапно само приплыло в руки.

Она осмотрелась:

– А сколько стоят коврики? Нигде нет цены.

Госпожа Тулони пожалала плечами:

– Это так трудно, назвать цену. Ведь я вкладываю душу в каждый из них...

– Что же вы говорите покупателям?

– Смотрю на коврик и решаю, какую цифру назвать.

Омарейл закачала головой. Ей сразу вспомнилась Севастьяна, которая однажды захотела конный завод. Долго не решалась попросить его у родителей из-за высокой стоимо-

сти, а когда Омарейл поинтересовалась, какова же была цена, та призналась, что не знает. Просто Севастьяне казалось, что это должно быть дорого.

В Орделионе не было принято баловать детей: все, что они имели, было лучшим, но вот лишнего им не покупали – учили бережно обращаться с казной. Омарейл же попросила Бериота найти небольшое, но хорошее коневодческое хозяйство, и с удовольствием узнала, что ее денежного лимита на три месяца как раз хватало на покупку. К двадцатому дню рождения Севастьяна получила конный завод, который три года не приносил никаких денег – только радость и головную боль. В конечном счете его продали едва ли не в два раза дороже, так как завод приобрел статус королевского. Бериот остался очень доволен той сделкой, хотя и не получил никакой личной выгоды.

– Так не годится, – сказала Омарейл госпоже Тулони. – Кто-то, может, и хотел бы купить ваш ковер, но считает, что такая роскошная вещь ему не по карману.

– Но всегда же можно спросить!

Принцесса закатила глаза:

– Не каждый станет! Есть у вас бумага и чернила? Сделаем таблички с ценами на каждый.

В конечном счете целый день Омарейл и госпожа Тулони провели за этим занятием. Подписать все коврики оказалось не так-то просто, едва ли не над каждым хозяйка лавки вздыхала, ахала и уверяла, что вот этому просто цены нет.

Поэтому, возможно, стоило отдавать их за бесценок. Ей так трудно давалось определение стоимости работы, что проще было подарить.

– Ах, госпожа Тулони! – вздыхала принцесса. – Ну вот тот, зефирный, стоит десять солей, этот почти такой же, а вы говорите – пять. Давайте тоже десять поставим? А лучше пятнадцать, тут ведь еще и ромбик, а не просто полоски.

– Пятнадцать! – воскликнула хозяйка лавки, хватаясь за сердце.

Омарейл сложила руки на груди:

– Скажите, сколько времени уходит на одну работу?

– Часов пять-семь.

– То есть почти целый рабочий день. А вы хотите продать его за две чашки кофе? Знаете, если вы не цените свои коврики, никто не будет.

Хозяйка лавки вздохнула. А потом задумчиво погладила висящий на стене бело-розовый.

– Зефирный?

– Ну да, он такой нежный, воздушный, похож на зефир.

– Удивительно, я, когда ткала его, представляла себе ванильно-клубничную пастилу!

Это привело к тому, что у Омарейл появилась новая идея: дать каждому коврику название. И теперь, помимо цены, они добавляли на карточку и его.

– Я приду завтра, и мы продолжим! – воодушевленная, принцесса покинула лавку в шесть вечера.

Есть хотелось невероятно, ведь на обед у нее был лишь пирожок, которым угостила госпожа Тулони. Денег не было, а стало быть, и возможности купить что-то по пути. Живот скручивало от голода, думать о том, чтобы искать дерево, подходящее для фальшивого предсказания, не было никаких сил. Решив, что займется этим сразу после ужина, Омарейл поспешила домой.

Даррит где-то пропал, Лодья тоже еще не вернулся. Приготовив яичницу, принцесса поужинала в одиночестве. Для человека, который всю жизнь провел в полнейшей изоляции, ей на удивление остро не хватало компании. Не во время еды, нет – вообще. Они попали в прошлое, а ей не с кем было разделить невероятность события. Лодья сразу дал понять, что не желает знать ничего о Путешественниках или своем будущем. Даррит же стал еще более замкнутым, чем обычно. Утром он почти не разговаривал, а вечером пришел домой, когда Омарейл уже была в кровати – она не нашла в себе сил в одиночку отправляться на прогулку по вечернему Астрару. Если бы он позвал ее, предложил обсудить, как прошел день, захотел увидаться, то выяснил бы, что перед сном в темноте своей комнаты принцесса плакала от обиды и его безразличия. Но он не постучал, не попытался поговорить, не дал понять, что она все еще важна для него.

Разумеется, внутренний голос Омарейл зывал к совести: Норт попал в год, когда появился на свет, и, возможно, теперь пытался раскрыть самую главную тайну – тайну своего

рождения.

Но тот же внутренний голос сухо замечал, что если бы Даррит соизволил обмениваться с принцессой хоть парой слов, она узнала бы обо всем наверняка, а так оставалось только строить догадки.

Смакуя мгновения особой жалости к себе, Омареил мысленно негодовала: она тоже испытала немало потрясений, но не стала вести себя холодно и отстраненно.

Утром принцесса вошла в кухню мрачная, как февральский вечер. Лодья и Норт сидели за столом и оживленно беседовали. Омареил сдержанно ответила на их приветствие и мученически вздохнула.

– Я налью вам чай, садитесь, – совершенно не глядя на нее, сказал Даррит.

Он был увлечен разговором и не обращал внимания на печальное лицо принцессы. Она сердито поджала губы, но села.

– То есть Турбийон, по сути, один, и он всякий раз возвращается в свое время, – говорил Даррит увлеченно. – Но сейчас их здесь два – один ваш, один наш.

– Именно так, – с улыбкой человека, наслаждающегося беседой, ответил Лодья. – Потому что Путешественники попадают ко мне, в прошлое, из другого времени, не из моего.

Норт запустил руку в волосы, взъерошил их и задумчиво произнес:

– Получается, что для Часовщика проходит не один год,

прежде чем он отправляет Путешественника к вам. Он ведет учет? Записывает в блокнот, кого куда отправил?

Налив чай, Даррит подхватил с плиты кусок пирога и поставил все это перед Омарейл. Встретившись с ней взглядом, он чуть улыбнулся – мимолетно, едва заметно, – и она с раздражением поняла, что обида отступает. Тело наполнялось теплом. Она этого не хотела! Она намеревалась высказать Дарриту все, что думала по поводу его отсутствия в такой важный момент. По поводу его черствости. По поводу того, что он не делился с ней тем, что было важно для него, наконец! Будто они были чужими людьми.

Мужчины продолжили разговор, пока Омарейл молча ела завтрак. Затем Лодья взглянул на часы, что крепились цепочкой к карману его жилета, и торопливо начал собираться.

– Моя помощница, конечно, уже пришла, но я очень не люблю опаздывать, – поделился он. – Время, знаете ли, терять не стоит, – добавил он с многозначительной улыбкой.

Когда он ушел, в комнате наконец воцарилась тишина. Даррит сосредоточенно нарезал копченое мясо, стараясь сделать тонкие ломтики, и все еще не замечал мрачного настроения Омарейл. Она устала ждать, когда он наконец обратит внимание на ее недовольство, и уже собралась высказать все вслух, как он поднял взгляд и спросил:

– Вы на меня злитесь?

Будто бы и не было вчерашних слез, принцесса с доброжелательным недоумением и даже нотками снисходительно-

сти спросила:

– С чего ты взял?

Он чуть пожал плечами и встал, чтобы снять с плиты разогретые лепешки.

– Я подумал, что вы обиделись из-за моего позднего возвращения. Не вышли из комнаты, когда я вернулся. Сегодня молчите.

Почему ей не хотелось соглашаться?

– Я просто уже спала.

– Вы не спали.

Она вопросительно подняла бровь, борясь с желанием крикнуть что-нибудь сердитое. Но раз уж она решила изображать безразличие, то спокойно спросила:

– Почему ты так решил?

– Слышал, как вы плакали.

И тут Омарейл вскипела.

– Слышал и пошел спать?! – воскликнула она.

Даррит поставил на середину стола лепешки и нарезанное мясо.

– Если это что-то меняет, я пошел не спать, а читать.

– Луна и Солнце, разумеется, это ничего не меняет!

Он сел. Растерянно отломил кусочек лепешки.

– Создается впечатление, что рассердило вас не мое позднее возвращение, – задумчиво произнес он, – и не то, что вчера я совершенно не посвятил время нашему общему делу. Но что тогда?

Омарейл устало потеряла лицо.

– Ничего, – буркнула она и сделала глоток чая.

– Дело ведь не в том, что я вчера не провел с вами время?

Она мысленно застонала: разговор становился все хуже и хуже. Признаться, что дело было именно в этом, принцесса не хотела даже самой себе, а уж Норту не сказала бы и подавно. Отрицать – значило придумывать другую достоверную версию. Надо было с самого начала соглашаться, что причиной была недостаточная вовлеченность в их миссию!

В конечном счете она решила избежать прямого ответа и поинтересовалась:

– Если ты слышал, что я плакала, почему не зашел, не спросил, что случилось?

– У вас предостаточно поводов для слез, все они мне известны. – Омарейл неверяще покачала головой, услышав такой ответ. – Но я предположил, что вы бы не хотели выходить ко мне в таком состоянии. Мало кто любит быть застигнутым в минуту слабости.

Принцесса хмуро смотрела на него.

– Я решил дать вам время успокоиться и обсудить все утром.

Возмущенная, но не находя нужных слов, она просто шумно дышала, глядя в спокойные синие глаза.

– Я был неправ? – уточнил он участливо.

«И да, и нет!» – раздраженно подумала Омарейл. В самом деле, кто знает, чего она могла наговорить вчера на эмоциях.

Да и если посмотреть с точки зрения Норта, он действительно не сделал ничего плохого. Наконец ее плечи опустились, тело расслабилось.

– Ладно, забудем об этом, – и, помолчав, сообщила: – Я нашла работу на эти две недели.

Эта новость Даррита сперва удивила, а затем развеселила.

– Вы серьезно взялись за изучение подданных, Ваше Высочество.

– Я вчера не смогла нормально поесть, пока была в городе, потому что оказалась без соля в кармане.

– Понимаю, это серьезная мотивация, – отозвался Норт насмешливо.

Принцесса лишь презрительно фыркнула и начала делать сэндвичи из лепешек и мяса.

– Так как я теперь работающая женщина, заберу это с собой. Зарплату мне пока не платят, так что...

– Куда вы устроились и сколько нынче стоит труд королевской особы?

Омарейл огляделась, заметила вчерашнюю газету и завернула в нее свой обед.

– В магазин. Помощницей.

Даррит выжидающе смотрел на нее, и принцесса была вынуждена продолжить:

– Зарплаты пока нет, мы договорились, что я сначала что-нибудь продам.

Она видела, что Норт с трудом сдержал удивленный сме-

шок, но затем справился с собой и совершенно серьезно сказал:

– Желаю вам успехов. Стало быть, вы сейчас отправляетесь на работу?

Омарейл кивнула:

– Но собираюсь идти туда по новому пути, чтобы поискать дерево. Вчера ничего подходящего не нашла, кругом один камень. Нужно будет заняться озеленением Астрара, когда вернусь.

– Я сегодня тоже сосредоточусь на нашем деле. А сейчас, может быть, проводить вас?

– Будет правильнее, если мы разделимся, – ответила принцесса. – Две недели – небольшой срок. Хотелось бы поскорее найти место, чтобы спрятать предсказание, и немного расслабиться. Я планирую идти на юг.

– Тогда я охвачу западную часть, – кивнул Норт. – Думаю, нам нужно воспользоваться тем, что в нашем времени половина Ордора собралась на улицах Астрара. Публично вскрыем нашу капсулу и продекламируем предсказание сразу, как вернемся. Поэтому нужно изучать те улицы, на которых в день свадьбы будет достаточно много народа.

Омарейл предложила Дарриту в случае неудачи поискать подходящее место вместе, когда она вернется. Договорившись встретиться дома около шести, они расстались.

Разговор с Нортом поднял Омарейл настроение, поэтому

по пути в лавку она, воодушевленная, мысленно составляла план, как будет делать из лавки госпожи Тулони самый известный магазин в округе.

Госпожа Тулони встретила ее с теплой улыбкой и свежее испеченными пирожками с яблоками. А затем показала своей помощнице коврик с полосками карамельного, светло-коричневого и тепло-зеленого оттенков.

– Я вдохновилась цветами яблочного пирога. Когда смотрю на этот коврик, даже чувствую запах теплой выпечки, ванили и печеного яблока.

– Ох, госпожа Тулони, это же прекрасно! А знаете что?

Омарейл возбужденно выбежала на улицу, чтобы посмотреть на витрину. Затем вернулась к хозяйке лавки.

– Ведь самая большая трудность в том, чтобы заставить прохожих зайти в лавку, верно? Уж если они здесь окажутся, с пустыми руками мы их не выпустим! Но чтобы заманить покупателей, нужно придумать что-то интересное. Давайте все время менять оформление витрины, выставлять туда коврик и то, что вас вдохновило. Прямо сейчас повесим «Яблочный пирог» в центре, а рядом положим пирожки. И сделаем большую красивую табличку.

Наконец-то принцессе пригодились уроки каллиграфии! Сколько чернил и слез она пролила над различными дуктами, пытаясь вывести по ним красивые буквы. И вот навык оказался полезен. А пока она создавала композицию, госпожа Тулони сходила в лавку неподалеку и купила там несколь-

ко яблок. Теперь витрина вызывала любопытство и желание зайти в магазинчик.

В тот же день у них побывало трое посетителей. С первым говорила хозяйка, он ушел с покупками. Второму же госпожа Тулони показала все, что было, и даже мешочки с пряжей разных цветов, что стояли на дальних полках – из них она только планировала ткать. Но мужчина ушел ни с чем.

– Но почему вы не использовали свой дар? – удивилась Омарейл, когда за высоким господином захлопнулась дверь.

Госпожа Тулони с укором посмотрела на нее:

– Никто не знакомил тебя с Эксплетарием?

Принцесса закатила глаза.

– Да, в общих чертах, – скучаясь отозвалась она. – Но это же не для дурного дела...

Третий покупатель оказался точно таким, как мечтала Омарейл. Молодая учительница слушала все истории о ковриках, восхищалась цветовыми сочетаниями и тем, насколько узнаваемы были сюжеты в простых петельках, полосках и ромбах. Девушка ушла с четырьмя маленькими ковриками и одним большим.

– Нужна красивая упаковка, – заявила Омарейл, едва за покупательницей закрылась дверь. – Неудобно уносить покупки в руках. К тому же кто-то может приобрести коврик в подарок. Будет здорово, если мы сразу же предложим его красиво оформить.

Госпожа Тулони вздохнула:

– Коробки очень дорогие, да и бумажные пакеты стоят немалых денег.

Омарейл задумалась. Огляделась и заметила в углу два больших рулона.

– А это что? – спросила она. – Похоже на ткань.

Хозяйка кивнула:

– Вон те напольные коврики я плету из лоскутков. Покупаю недорогую ткань, рву ее на лоскуты, а затем плету.

Губы Омарейл расплылись в улыбке.

– А что, если вы сошьете сумки? Какие-то простые мешочки?

– Это я, пожалуй, могу...

Вечером за ужином Омарейл воодушевленно сообщила Дарриту и Лодье о своих успехах:

– В лавке, где я работаю, сегодня было два покупателя! Хозяйка говорит, что это больше, чем за всю прошлую неделю. И все благодаря оформлению витрины, которое мы сегодня сделали!

– Два покупателя – это впечатляет, – прокомментировал Норт чуть насмешливо.

– Это мой второй день! – воскликнула она. – И это не случайность, они не сами пришли, а благодаря моим действиям. Это серьезное достижение.

– Поддержу девушку, – кивнул Лодья, который с явным интересом слушал ее рассказ. – Поскольку лавка Часовщика – это машина времени, в одно из дальних путешествий мы

купили ее, чтобы она всегда была нашей. Получается, что иногда она годами закрыта, но когда я попадаю в нужную эпоху, то открываю ее и что-нибудь продаю. В этот раз я занялся книгами. Место отличное и из-за того, что никто не знает хозяина, обросло легендами. Поначалу после открытия народ идет толпами, но постепенно интерес падает, и, скажу я вам, порой найти читающую публику так же тяжело, как черную козу ночью в хлеву. Моя помощница, Алтея, уже вторую неделю зазывает случайных прохожих. Два покупателя на второй день работы – это и правда достойный результат.

– Прошу прощения, – склонил Даррит голову, – признаю свою ошибку.

– Похвастайся-ка сам, какие у тебя успехи сегодня? – ехидно поинтересовалась Омарейл.

Норт неопределенно дернул плечом и ответил что-то вроде: «Работа идет». Затем после паузы сказал:

– Раз уж вы так славно проявили себя в лавке, пойдемте на прогулку, может быть, и с деревом вам улыбнется удача.

Пока они собирались, Омарейл продолжала ворчать, повторяя, что дело было не в удаче, а в продуманных действиях.

Обследование близлежащих улочек ни к чему не привело. Совсем юные деревца были слишком тонки, стриженные кусты не годились, у единственного толстого дерева, которое они обнаружили – Даррит даже помнил эту липу в свое время, – ствол был объемным и без сучков, а ветки росли

слишком высоко, чтобы можно было на них залезть.

– Я начинаю думать, что план с деревом был не так уж хорош, – посетовала принцесса.

– Мы изучили еще не все окрестности, – попытался успокоить ее Даррит. – А сейчас вам нужно отдохнуть, ведь завтра вам снова на работу?

Омарейл улыбнулась. Мысль об этом воодушевляла.

Время перед сном она провела, придумывая название для магазина: пока что он назывался непозволительно скучно – «Коврики ручной работы».

– Луми?

– Луми.

– Что это значит?

– Ничего, – с энтузиазмом ответила Омарейл на вопрос госпожи Тулони. – Но произносится просто, запоминается и почему-то ассоциируется с ткаными ковриками. Мне кажется, это что-то на языке древних... Давайте назовем так лавку! – протянула она. – Но ниже оставим надпись, что это коврики ручной работы.

Хозяйка лишь пожала плечами. Судя по всему, она решила просто во всем соглашаться с новой помощницей.

– Тогда нам нужно нарисовать вывеску! Сперва потребуется эскиз... Какая удача, что я вчера подготовила несколько вариантов.

Омарейл вывалила из тканого мешка пару десятков бу-

мажных свертков.

После выбора дизайна вывески Омарейл взяла из кассы немного денег и отправилась за краской. Одолжив у соседей лестницу, она приставила ее к стене и прямо над дверью начала рисовать размашистую надпись: «Луми».

Пока она этим занималась, подходили любопытствующие: одни задавали вопросы, другие давали советы. Подавив раздражение, Омарейл решила в каждом видеть потенциального покупателя, поэтому с энтузиазмом рассказывала о ковриках, о названии, о том, как придумала вывеску. Некоторые после ее историй действительно заходили, и кое-кто даже уходил с покупками.

Наконец у лестницы остановился высокий широкоплечий мужчина. Сперва сверху Омарейл увидела только светловолосую макушку, живо напомнившую о Мае с его пшеничными кудрями. Затем мужчина поднял голову, и принцесса застыла. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, отчего он показался таким знакомым.

– Мраморный человек, – прошептала она изумленно.

Тот, кто раскрыл ей ложность пророчества и истинную сущность Совы, стоял перед ней и глядел с нескрываемым интересом.

– Прошу прощения?

Омарейл даже чуть склонилась к нему и сощурилась, пытаясь понять, не ошиблась ли.

Он же удивленно поднял брови.

– Любопытно... – посмотрел по сторонам, а затем, чуть понизив голос, спросил: – Эксплет?

Она медленно кивнула:

– Я работаю у госпожи Тулони.

– Понятно. – Мужчина с любопытством оглядел Омарейл, а затем вошел в лавку.

Принцессе стало ясно: он пока был обычным эксплетом. Не мог читать эмоции других подобных ему, а чувства простых людей воспринимал, как и сама Омарейл. Мраморный человек из ее времени поселился вдали ото всех потому, что находиться среди толпы было для него невыносимо. Сейчас же он спокойно ходил по улицам оживленного города.

Впрочем, и выглядел он иначе: кожа не такая бледная, вены не проступают синими змейками, голова не лысая, а взгляд не проникает в самое сердце.

Омарейл посмотрела на вывеску и, оставшись довольной, быстро спустилась на землю. Однако когда она вошла в лавку, Мраморный человек уже собирался уходить. Он тепло попрощался с госпожой Тулони, улыбнулся Омарейл и вышел.

– Вы знакомы? – Принцесса кивнула в сторону двери, за которой только что скрылся мужчина.

Получив утвердительный ответ, Омарейл закусил губу, думая, как задать следующий вопрос, чтобы не вызвать лишних подозрений.

– Давно?

– Да, довольно давно. Эддарион – носитель знаний об эксплетах. Именно он передал мне Эксплетарий, научил пользоваться даром не во вред другим. Кстати, а кто передал Эксплетарий тебе? Я думала, знаю о большинстве эксплетов в Ордоре, но о тебе ничего не слышала.

– И Белорию знаете? – спросила Омарейл, чтобы уйти от ответа.

– Ил Белория? Да... интересный юноша, но, боюсь, если он не обуздает свой нрав, его ждут большие неприятности. Или большие успехи. Но Эддарион время от времени встречается с ним, чтобы направить на верный путь.

– О, надо же... – проговорила принцесса. – А... а Совалию Дольвейн вы тоже знаете?

Госпожа Тулони вздохнула:

– Да... Совалию я прекрасно знаю.

Омарейл пока не понимала, что делать со всей этой информацией, но была уверена, что новая знакомая могла помочь в их с Дарритом деле. Это сняло камень с души, ведь получалось, что она не просто теряла время, играя в управляющую лавкой, но и решала Проблему. Вечером она обязательно расскажет Норту, каких успехов достигла.

Подумав о нем, она вспомнила еще одного эксплета.

– О, а старую Фраю вы знаете? – поинтересовалась принцесса.

Госпожа Тулони удивленно подняла брови. В этот момент колокольчик над дверью издал мягкое «динь», и обе повер-

нулись к посетителю, который так и застыл в дверях.

– Мирра? – произнес он через пару мгновений.

– Норт? – отозвалась она не менее изумленно.

– Норт? – повторила госпожа Тулони. – Я думала, вы ска-
зали, ваше имя Север.

Даррит прочистил горло.

– Норт – это «Север» на языке древних, но оно вводит
людей в заблуждение. Я не из первых семей.

Госпожа Тулони медленно кивнула:

– Но с моей новой ассистенткой вы знакомы... Любопыт-
но. Два эксплета свалились на меня почти одновременно, да
еще и оказались знакомы друг с другом. Объясните-ка, гос-
пода, что вам от меня нужно?

Омарейл знала, что никаких скрытых мотивов не имела,
но вот зачем Даррит свел знакомство с госпожой Тулони?
Быть может, тоже выяснил, что она знала Мраморного чело-
века? Принцесса вздохнула: Норт обогнал ее, а ведь она уже
представила, как удивит его вечером своими новостями.

– Мои намерения я вам уже обозначил: меня интересует
покупка вашего дома. Что до Мирры...

– Я просто искала работу и совершенно случайно нашла
вашу лавку, – пожалала она плечами, а потом бросила взгляд
на Норта.

– Работу... разумеется, – повторил он и устало потер пе-
реносицу. – Но почему здесь?

– Меня больше нигде не взяли...

Омарейл заволновалась, что эти слова несколько подпортят ее авторитет в глазах госпожи Тулони. Но ведь та видела результат! За последние два дня покупателей в лавке было больше, чем за всю прошлую неделю.

Покачав головой, Даррит прошел вглубь помещения и застыл.

– Постойте-ка... – Он задумчиво обернулся ко входу. – Вывеска свежая.

– Это я ее нарисовала, – с готовностью отозвалась Омарейл, в глубине души надеясь, что он сделает комплимент.

Однако Норт мягко рассмеялся, и она не знала, как реагировать на это.

– Вы нарисовали, – проговорил, наконец, он. – Очаровательно.

– Название тоже я придумала, – с вызовом заметила принцесса, сложив руки на груди.

Это вызвало новый приступ смеха. Смеха, откровенно говоря, странного, искривившего черты лица в гримасе боли. Будто он смеялся над собственной сломанной рукой.

– Что ж, Мирра, думаю, мы поговорим об этом позже. А пока, – он взглянул на госпожу Тулони, – я пришел, чтобы уточнить...

Его взгляд застыл на тарелке с выпечкой. Омарейл, конечно, предположила, что Норт не пообедал, но смотреть со слезами на два подсохших яблочных пирожка – это было не совсем в его духе. В ее – быть может, но не в его. Убедив-

шись, что ей не показалось – в глазах Даррита действительно заблестели слезы, – она предложила:

– Может, пойдем пообедаем? Я так долго рисовала вывеску, что совсем забыла поесть.

Он молчал.

– Тут есть хорошее заведение неподалеку.

Наконец Даррит кивнул.

– До свидания, Фрая, – выдавил он и вышел на улицу.

С колотящимся сердцем и на негнущихся ногах Омарейл вышла следом. Она с трудом дождалась, пока они прошли вверх по улице и свернули за угол.

– Это старая Фрая?! – воскликнула Омарейл, стоило им скрыться за домом.

– Что вы там делали? – в это же время набросился Даррит, они заговорили практически одновременно.

Она объяснила, что действительно лишь работала в лавке и даже не догадывалась, кем была хозяйка, а затем спросила:

– А что за история с покупкой дома? Зачем нам ее дом?

Норт отвел взгляд в сторону:

– Это не связано с вами. Это мои личные дела.

– У тебя нет денег, – напомнила принцесса.

Даррит раздраженно выдохнул, но все же ответил:

– Я не собираюсь ничего покупать, довольны?

– О-о-о, – понимающе протянула она, а затем коснулась его локтя, – ты просто хотел найти повод поговорить с ней?

Фрая, воспитавшая Даррита как сына, в этом времени еще

была жива, и у Норта появилась возможность встретиться с нею вновь. Сердце Омарейл болезненно сжалось. Ей хотелось обнять его, но, боясь холодной, бесстрастной реакции, она прервала долгую паузу вопросом:

– И что мы теперь будем делать?

Даррит взглянул ей в глаза. Чуть помолчал.

– Пойдемте пообедаем.

Глава 4

Истинное пророчество

Старая Фрая зарабатывала на жизнь тем, что продавала в Луми-лавке коврики, созданные ею на ручном ткацком станке. Сколько Даррит себя помнил, она целыми днями трудилась в магазинчике. Ребенком он постоянно бывал там, а став постарше, подрабатывал, получая первые карманные деньги.

Фрая никогда не рассказывала ему, откуда взялось название лавки. Не упоминала историю вывески, которую время от времени подкрашивала.

– Невероятно, – выдохнула Омарейл, дослушав рассказ Норта.

Они обедали в небольшом ресторанчике на углу улицы Благочестия и Кузнечного переулка. За окном, обрамленным тонкими белыми занавесками, проезжали запряженные лошадьми экипажи и телеги, проходили пешеходы. Внутри кафе официанты в плотных белых фартуках разносили имбирный чай и облепиховый морс. За соседними столиками негромко разговаривали дамы в платьях с воланами, угощались изысканными блюдами господ в строгих сюртуках, чинно и мерно попивали вишневый бренди почтенные пожилые женщины с высокими прическами, курили трубки и

обсуждали важные дела седовласые мужчины. Жизнь вокруг неспешно шла своим чередом, но мир Омареил сузился до размеров их столика с белой скатертью. Все ее внимание было сосредоточено на Даррите.

– Выходит, что Фрая узнает, кто мы такие, – задумчиво произнесла Омареил после небольшой паузы, – как иначе объяснить, что она все детство читала тебе эту книгу? Получается, что она готовила тебя ко всему, что сейчас происходит.

Он кивнул, соглашаясь.

– Возможно, она ее и написала! – продолжила она.

– Это, пожалуй, маловероятно, хотя и у меня была подобная мысль. Фрая никогда не демонстрировала писательского дара, а язык в книжке весьма живой, образный.

Омареил наколола на вилку печеный картофель, но так и не донесла кусочек до рта, задумчиво замерев.

– Столько мыслей в голове... Как она узнает? Стоит ли рассказать ей все прямо завтра? Почему тебя оставили ей? Почему она не открыла тебе правду – пока была жива, я имею в виду.

– Насчет последнего у меня есть теория... Дело в том, что я был трудным подростком. Постоянно спорил с ней, пытался что-то доказать, а едва мне исполнилось восемнадцать, ушел из дома.

Изумленно распахнув глаза, принцесса опустила вилку на тарелку.

– Ушел из дома? – повторила она.

– Да, отправился в Агру: зарабатывать деньги и развлекаться.

Это прозвучало почти буднично, но по сжатой челюсти Даррита Омарейл поняла: слова давались ему не так легко, как он хотел бы показать.

– Так вот где ты взял все свои сбережения? Ты играл в Агре в покер? Полагаю, та сумма, о которой мне известно, – лишь жалкие остатки?

– В какой-то степени.

– То есть ты сбежал из дома, начал бесконтрольно использовать дар для достижения корыстных целей, заработал кучу денег – и ни разу мне об этом не рассказал?

Даррит сложил руки на груди.

– К слову не пришлось, – буркнул он, отвернувшись к окну.

– К слову не пришлось? Это было бы кстати в любой момент твоих нравоучений!

– Я уверен, что упоминал раз или два... в общих чертах... – Он взглянул принцессе в глаза: – Это, в общем-то, неважно. Да, я на собственном опыте выяснил, что бездумное использование дара эксплета – путь морального разложения и деградации. Вам так необходимо подтверждение? Не готовы просто поверить? Что ж, получите. Фрая всегда говорила, что хочет для меня одного: чтобы я стал приличным человеком. Оставив ее, я настолько погряз в мире пу-

стых развлечений и бесконечных удовольствий, что напрочь забыл о ней, о своем доме, о том, что был обязан жизнью. Меня не было год. Время от времени, пересчитывая заработанные деньги, я представлял, как явлюсь к ней с мешком золота и докажу, что был прав. Куплю ей новый дом. Выкуплю лавку, чтобы не нужно было платить аренду. Или вообще сделаю так, чтобы ей не нужно было больше работать. Но вы должны понимать, мною двигала не любовь, а желание доказать собственную правоту. Я чувствовал себя властелином мира. А потом однажды встретил соседа, который жил на Северной улице за два дома от нас. Он сообщил, что Фрая очень больна. В тот же день я бросил все, что было у меня в Агре, и помчался в Астрар.

– Ох, – выдохнула Омарейл, догадываясь, каким будет финал у этой истории.

– Фрая была совсем плоха, с трудом узнала меня. Ее мучила боль, почти постоянно. За ней ухаживали соседи.

Даррит вновь отвернулся. С минуту он рассматривал прохожих на улице. Омарейл не смела его торопить.

– Я узнал, что ей могло помочь дорогостоящее лечение. Как вы понимаете, все мысли о том, чтобы похвалиться своим богатством, оставили меня. Я нашел врачей, оплатил их работу, лекарства. Но все, чего они смогли добиться, – это облегчить ее последние дни.

Он начал постукивать вилкой по столу.

– Я прошу прощения, господа, – раздался мужской голос

рядом с ними, отчего оба чуть вздрогнули. – Десерт придется немного подождать. Я сожалею. Мне действительно очень, очень жаль. – Официант судорожно сжал в руках пустой поднос.

Его губы искривились, между бровей залегла глубокая морщина.

– Простите. Простите, я ничего не могу сделать...

Когда стало казаться, что молодой мужчина готов упасть на колени в раскаянии, Омарейл поняла, в чем дело. Она положила руку на его локоть, привлекая внимание, взглянула в глаза:

– Все в порядке, не переживайте. Мы никуда не спешим. – Она, как могла, мысленно утешала его, внушая спокойствие. – Мы подождем.

Принцесса чувствовала, что официант чуть расслабился, его лицо разгладилось.

Когда он ушел, она взглянула на Даррита. Тот горько усмехнулся.

– Я потерял контроль, – тихо проговорил он, – думаю, стоит закончить эту беседу.

– Нет, постой. То, что ты говоришь, очень важно для меня. Я хочу знать, что делает тебе больно, чтобы помочь.

Он взглянул ей в глаза:

– Мне не нужна помощь. И жалеть меня не нужно. Я не жертва в этой ситуации, а виновник. Когда все закончилось, я решил забыть то, что было в Агре. Оставшиеся день-

ги положил в банк, но тратить их не собирался. Встал на путь «приличного человека», поступил в университет, стал учителем. Добропорядочный гражданин своего государства.

– Ты стал учителем из чувства вины? Неудивительно, что тебе не нравится твоя работа.

– Опять вы за старое...

– И теперь я понимаю, почему ты так жаждешь внимания Фрай. Не просто потому, что скучал. Ты надеешься исправить свою ошибку.

Даррит задумчиво потер подбородок:

– То, что я предпочел бы исправить, еще не произошло...

Омарейл понимающе кивнула. Они оба оказались во времени, когда даже не родились, и не могли ничего изменить в своей жизни.

– И вы неправы, у меня не было определенного плана насчет Фрай, я просто не мог ее не увидеть. Мне хочется проводить с ней все время, потому что знаю, что отпущено нам совсем немного.

Осторожно тронув его руку и заставив взглянуть на нее, Омарейл мягко улыбнулась:

– Тогда очень кстати, что я устроилась работать в ее лавку. У тебя есть отличный повод приходить и быть с ней.

Легкая улыбка тронула и его губы. Когда он произнес почти беззвучное «спасибо», ее сердце наполнилось нежностью.

Долгий взгляд глаза в глаза прервал официант, принес-

ший десерт.

– Ты собираешься сказать Фрае, кто ты? – спросила принцесса, придвинув к себе кусок шоколадного пирога.

– Думаю, сначала нам нужно познакомиться поближе, – отозвался Норт, разламывая ложкой творожную запеканку. – Не уверен, что она поверит мне, если я расскажу правду.

– Ну да, – согласилась Омарейл, – если бы маленький ты уже жил с ней, было бы легче убедить в нашей истории. А так все это звучит слишком фантастично.

Затем она рассказала о том, что Мраморный человек заходил к Фрае незадолго до самого Норта.

– Разумеется, мне было известно об их приятельских отношениях, – кивнул Норт. – Всю жизнь я только и слышал: «Мраморный человек знает все» и «Мраморный человек объяснил бы тебе, что к чему». Помню, они переписывались, но мне не приходило на ум спросить, почему никогда не встречались лично. Я считал, что дело в большом расстоянии, и это казалось логичным объяснением.

– На самом деле что-то произошло, – тут же ответила принцесса. – Он выглядел по-другому, Норт. Был обычным. Не умел читать эксплетов и нормально чувствовал себя среди людей.

Даррит хмыкнул:

– Что ж... как сказал сам Мраморный человек: всему свое время.

В тот момент Омарейл особенно остро осознала иронию

слов Эддариона. Всему действительно было *свое время*. И что-то ей подсказывало: Мраморный человек из их времени знал о предстоящем им путешествии сквозь года.

После обеда Даррит зашел в лавку, но, не найдя уважительной причины провести там остаток дня, спустя час ушел и вернулся к вечеру, чтобы проводить Омарейл до дома. Они избрали новый маршрут, чтобы проверить, не растут ли там подходящие деревья. По пути же обсуждали предсказание, которое намеревались сделать. Войдя в квартиру, оба ненадолго прервались. Там чарующе пахло чем-то пряным: Лодья был на кухне и готовил ужин.

– Алтея, моя помощница, настояла, чтобы я ушел пораньше, – пояснил он через плечо. – Она считает, что я выгляжу уставшим и мне следует взять выходной, но я отлично себя чувствую! Согласился закончить рабочий день только потому, что она так взволнована моим здоровьем.

Насвистывая, он стал помешивать овощи на большой сковороде. Омарейл и Даррит переглянулись и, приняв предложение хозяина квартиры сесть и подождать ужина, устроились за столом. Принцесса взяла бумагу и стальное перо с чернилами, но в течение ближайшего полчаса все, что появилось на листе, – пара клякс, натюрморт и лошадь.

Они с Дарритом сошлись во мнении, что послание должно быть обезличенным, написанным от лица некоего таинственного персонажа. Но подходящие строчки никак не шли

на ум.

– Может, просто так и напишем: слова Совы – неправда: если принцесса выйдет из башни, никакой гражданской войны не будет, – предложила Омарейл, устав выдумывать текст.

Затем, диктуя себе по слогам, записала:

– Ка-а-ак... вы-ы-ы... мог-ли-и... ку-пить-ся... на... та-а-ко-о-е-е?..

– Откуда вы знаете, – спросил Лодья, расставляя перед гостями тарелки с запеченной в травах курицей и овощами в качестве гарнира, – что пророчество ложное?

– Проверили опытным путем, – проворчала Омарейл, разглядывая свои записи.

Увидев возмущенный взгляд Даррита, она раздраженно дернула плечом:

– Он все равно скоро узнает, как и все королевство.

– Он вернется в свое время, в котором я еще даже не работаю в школе, – негромко напомнил Даррит, словно надеясь, что Лодья их не услышит.

На это она чуть раздраженно вздохнула. В голове царила путаница, что когда было и будет. В конечном счете Лодья ведь сам сказал – ничего нельзя изменить. Так чего бояться?

– Минуточку, – Лодья тем временем тоже сел за стол, – принцесса вышла из башни? А это интересно... но недостаточно, чтобы говорить о мошенничестве. Сколько для вас прошло времени с тех пор, как она вышла?

– Можете поверить, – убежденно заявила Омарейл, – про-

рочество само по себе – лишь уловка. Но сбыться оно может, если люди это допустят. Развязать войну не так-то сложно. Поддерживать мир куда трудней.

– Как скажете... – задумчиво ответил Лодья, и принцесса практически увидела, как он мысленно положил эту информацию на полочку у себя в голове. Куда-то недалеко, чтобы можно было в любой момент получить доступ. – Но от стихотворной формы я бы на вашем месте отказался, – продолжил он, вспоминая их недавние эксперименты. – Для поэзии у вас не хватает, знаете ли, умения подбирать точное слово. Чтобы сразу в сердце. Остановитесь на прозе. Я, как писатель, могу сказать: чувство стиля у вас есть.

– Вы еще и книжки пишете? – с уважением протянула Омарейл.

– Я – дитя многих талантов. А когда путешествуешь в разные эпохи, наблюдая, как рождаются империи и низвергаются короли, невозможно молчать об этом. Может быть, однажды я все же напишу книгу, где расскажу обо всем. Хоть в виде сказок, но поделюсь тем, что видел.

Даррит хмыкнул. Оценивающе взглянул на Лодью и ответил:

– Да. Может быть, однажды напишете.

Пужинав, Лодья оставил Путешественникам мешочек с собиями – Омарейл тут же захотела поскорее получить жалованье в лавке, чтобы не быть обузой. Но зато сейчас она мог-

ла купить себе новую одежду, что было бы кстати: постоянно стирать ей порядком надоело.

Затем Лодья ушел к себе, а вот Омарейл с Дарритом закончили лишь спустя два часа и две чашки чая. Претерпев многочисленные изменения, получилось следующее послание:

«Я, видя грядущее, предрекаю: пророчество о наследнице престола, что сделают в день ее рождения, будет ложным. Женщина с птичьим именем, поддавшись жажде власти и своим меркантильным интересам, сделает предсказание, но в нем не будет ни единой строчки правды. Войны не будет. Даруйте принцессе свободу, и на Ордор снизойдет благодать».

– По-моему, получилось достаточно пафосно, – прокомментировала Омарейл, пробежавшись взглядом по тексту. – И знаешь, Норт, не могу не отметить талант Совы. Судя по тому, что мне рассказывали, она состряпала свое предсказание за какие-то минуты, пока якобы была в обмороке. Мы с тобой бьемся над текстом целый вечер, а она просчитала все и решила судьбу королевства меньше чем за полчаса.

– О Совалии Дольвейн можно сказать многое, но глупой ее точно не назовешь, – согласился Даррит. – Однако я думаю, что она не раз пожалела о своем решении. Гораздо проще было бы вас убить. Отравить каким-нибудь ядом и списать на болезнь.

Принцесса подняла на него мятежный взгляд.

– Но когда все произошло, было уже поздно идти на пятную, – продолжил он спокойно. – Можно даже сказать, предсказанием она невольно защитила вас от себя же.

– Я просто родилась под счастливой звездой, – проворчала Омарейл.

Но мысленно согласилась: Сова должна была действовать под влиянием эмоций, чтобы решиться на свое предсказание.

Единственное, что волновало Омарейл в их с Дарритом пророчестве: достаточно ли ясно оно давало понять, что Совалия Дольвейн – злодейка, заслуживающая быть отправленной в тюрьму в Успад или вообще высланной из Ордора?

– Завтра посмотрю в соседних лавках хорошую металлическую шкатулку, – заявила Омарейл, в сотый раз перечитывая текст.

То, что они наконец написали «истинное» пророчество, немного подбодрило принцессу: дело сдвинулось с мертвой точки. В запасе еще было несколько дней, а им только и оставалось найти место, где спрятать послание. Поэтому-то заснуть Омарейл мешали совсем другие мысли, которыми она поспешила поделиться с Нортм утром.

– Если предположить, что Фрая знала обо всем, почему она не сказала тебе напрямую? Не предупредила? Не открыла правду?

Даррит пожал плечами, намазывая масло на уже остыв-

шую гренку – Лодья приготовил завтрак еще час назад и уже убежал в свою лавку.

– Полагаю, у нее были причины. Вообще, как показывает наш с вами опыт, предсказание будущего еще никому не приносило счастья.

– Но она могла хотя бы намекнуть!

– Не думаю, что хотел бы знать обо всем, что меня ждет.

– Понимаю. – Омарейл кивнула. – Но почему бы не предупредить тебя, чтобы ты не уезжал в Агру?

– Вы считаете, я собираюсь рассказать Фрае, когда и как она умрет? За кого вы меня принимаете?

Омарейл задумалась. Хотела бы она знать, сколько дней, месяцев или лет ей осталось жить? Мысль об этом откликнулась нервным спазмом в животе: вряд ли.

– К тому же могу вас уверить, я бы не послушал ее, – добавил Даррит, чуть подумав. – Решил бы, что она обманом пытается заставить меня остаться. В тот момент я не слушал никого. Я хотел управлять, подчинять своей воле, брать от жизни все, что, считал, мне полагается, а не слушать постоянные нравоучительные речи о том, что должен контролировать силу.

Принцесса подумала, что была рада выбору, который сделал Норт. Она сожалела о болезни Фрай, но, сложись все иначе, перед ней мог сидеть совсем другой Норт Даррит. И вряд ли они бы ладили.

– Хотите скажу, что вы будете представлять, глядя на этот коврик? Не две полосы цвета охры и бирюзы, нет... Вы будете видеть песчаный пляж с мелким, мягким теплым песком и полосу спокойного моря в безмятежный солнечный день. Будете представлять себя где-нибудь в Клоустене, в одной из затерянных бухт. Словно вы заходите в едва прохладную воду, сквозь закрытые веки солнце видится пляшущими красными пятнами, а если чуть приоткрыть глаза, то сквозь ресницы можно будет увидеть блики на волнах. Соленый воздух, смешанный с запахом водорослей, рыбы и раскаленного камня, наполнит ваш нос. Вы ощутите прилив энергии.

Омарейл говорила все это, глядя посетительнице в глаза. Эмоции она передавала осторожно – лишь слегка помогала настроиться на нужный лад, ощутить тихую радость и упоение.

Фрая многозначительно прочистила горло, но принцесса сделала вид, что не услышала.

– «Майский бриз» у нас самый популярный, было четыре – остался один, – заметила Омарейл и впихнула коврик даме в руки. – Ох, ощутите, какой мягкий, правда? Как тот самый песок. Мелкий-мелкий, можно представить, как утопает в нем нога...

Когда женщина ушла, сжимая в руках мешочек с «Май-

ским бризом», госпожа Тулони с укором взглянула на свою помощницу.

– Ничего такого в этом нет, я не навязывала ей желание купить! Зато теперь, глядя на коврик, она и правда будет испытывать эти эмоции. Не беспокойтесь, я контролирую себя и не позволяю лишнего, – закатила глаза Омарейл.

Госпожа Тулони укоризненно покачала головой, и принцесса живо представила подростка Норта, который точно так же отмахивался от замечаний. Возможно, раздраженно вздыхал или запальчиво обвинял Фраю в излишней осторожности и чрезмерной опеке.

В обед Омарейл отправилась прогуляться по улочкам, паутиной расходящимся от Театральной площади, чтобы найти хорошую металлическую шкатулку. Фрая посоветовала заглянуть в лавку старьевщика через два квартала.

– Это волшебная шкатулка для драгоценностей из бронзы. Посмотрите, как искусно выполнен кабошон. Да, вещь недешевая, но этот адуляр, или, как его еще называют, «лунный камень», невероятно редкий! У вещицы потрясающая история. Юноша подарил ее своей возлюбленной, сказав, что, глядя на сей камень, она будет думать о луне, которую и он будет видеть со своего корабля. После чего юноша ушел в плавание на долгие восемь месяцев. Вернувшись, он узнал, что девушка умерла от болезни. В шкатулке он обнаружил послание: «Глядя на камень, думай о луне, на которой теперь я».

Продавец поведал историю с торжественно-скорбными интонациями, привлекая внимание не только Омарейл, но и других посетителей. Однако принцесса не чувствовала, чтобы рассказчик испытывал хоть какие-то эмоции, кроме упоения собственной изобретательностью и желания продать.

Она присмотрелась к гладкому округлому камню, украшающему шкатулку, и удивленно подняла брови:

– Это не камни. Это стекло.

Вот и увлечение геммологией в десятилетнем возрасте не прошло даром. Сколько камней – драгоценных и не очень – ей тогда дарили! Коллекция занимала стеллаж во всю стену. Сейчас было немного грустно вспоминать, что вся она отправилась в Рейнфло во время очередного срыва принцессы.

– Что вы говорите, какое стекло!

Омарейл почувствовала волны раздражения, исходящие от мужчины за прилавком. Ввязываться в скандал ей не хотелось, поэтому она просто пожала плечами и вышла на улицу.

Добротная металлическая шкатулка обнаружилась в магазине с писчей бумагой, перьями и конвертами. Скромно декорированная коробочка для писем плотно закрывалась, казалась достаточно жесткой, а внутри была проложена бархатом, что, по мнению Омарейл, должно было дополнительно защитить спрятанное послание.

Когда принцесса вернулась в Луми-лавку, то обнаружила там Даррита. Он внимательно слушал рассказ госпожи Туло-

ни об одном из ковриков. Омарейл похвасталась новой покупкой, однако Норт отреагировал довольно сдержанно. Когда же она уточнила, что тот делает в лавке, он ответил:

– Мне необходимо обсудить с госпожой Тулони вопрос покупки дома. Я готов предложить новую цену...

Женщина убрала с лица рыжую прядь и упрямо произнесла:

– Я не собираюсь его продавать!

– В таком случае как насчет того, чтобы, как только я освобожусь, пойти поискать дерево? – многозначительно произнесла принцесса.

Даррит кивнул. Затем ткнул пальцем в первый попавшийся коврик и спросил у Фраи:

– А у этого такое название интересное: «Камни равновесия». Что это значит?

Омарейл закатила глаза, в то время как госпожа Тулони с энтузиазмом ответила:

– Камни равновесия – специально отобранная плоская галька, из которой складывают башню. Для этого нужно сосредоточиться, что, в свою очередь, помогает отвлечься от ненужных мыслей. В коврике я использовала разные оттенки серого, чтобы точнее передать текстуру, и, видишь, полосы идут как будто камень на камне.

– Раз уж ты здесь, Норт, – снова вмешалась Омарейл, усаживаясь за прилавок, – скажи-ка, *по твоему опыту*, как привлечь покупателей?

Он потер подбородок.

– Хм... никогда не приходилось сталкиваться с такой задачей, – задумчиво произнес он. – Быть может, стоит дать рекламу в газете.

– Я думала об этом, но просто рекламы мало. Луми-коврики – это не то, что нужно каждой хозяйке. Это эмоции и красота, такое не показать через четыре строчки. Вот интересная статья – это другое дело! Пресса, как мы с тобой уже знаем, может быть мощным инструментом, но надо уметь им пользоваться.

– Но что сенсационного в ковриках из шерсти? – вздохнула госпожа Тулони.

– Нужно сделать из них событие... – задумчиво произнесла Омарейл. – Нужно, так сказать, выйти на улицу. Точно! Нужно выйти на улицу! Где ваш станок?

Схватив небольшую деревянную раму на подставке, принцесса вытащила ее на тротуар перед лавкой. Велев Дарриту вынести туда же стул, она сунула госпоже Тулони несколько мотков шерсти и вытолкала ее наружу.

– Тките!

Пару мгновений Фрая недоуменно смотрела на свою помощницу, а потом просто села и стала натягивать тонкие нити, готовя основание для будущего изделия.

За последующий час к госпоже Тулони подошло не меньше двух дюжин человек. Одни задавали вопросы, другие

просто молча наблюдали за процессом. Кое-кто после беседы с мастерицей заходил в лавку, и там уж Омарейл не отпускала их без покупок. С одним господином она так увлеклась воспеванием ковриков, невольно передавая восторг и любовь, что Дарриту пришлось вмешаться, замаскировав кашлем слово «Эксплетарий».

– Не понимаю, что такого, я же никому не приношу вреда, – ворчала она после.

– Это неэтично.

– По-че-му? Вот если, например, у человека есть музыкальный дар. Он решит давать концерты и зарабатывать так деньги. Это ведь будет нормально. А почему пользоваться нашим даром – нет?

Даррит молчал.

– У тебя нет ответа, да? – спросила Омарейл.

– Я лишь стараюсь не слушать ваши искушающие речи, – отозвался он.

– Тебе нужно побеседовать с Эддарионом, – заметила госпожа Тулони, только вошедшая в лавку и услышавшая часть разговора. – Он-то сумеет объяснить, что хорошо, а что плохо.

Принцесса немного помолчала.

– С Совалией Дольвейн ему совладать не удалось, не так ли?

Госпожа Тулони вздохнула, как и в прошлый раз при упоминании Совы.

– Совалия слишком долго управляла всеми вокруг. Власть для нее – что воздух. Но я чувствую, что он и с ней на верном пути. Например, я точно знаю, что она прислушалась к Эддариону и старается меньше применять дар к сыновьям.

На вопрос Омарейл «почему?» пояснила:

– Потому что она любит их и хочет вырастить личностями, а не «удобными людьми».

Принцесса была вынуждена признать, что это в целом сработало.

Покинув лавку в конце рабочего дня, Омарейл и Даррит отправились на поиски подходящего дерева. В этот раз они тщательно обследовали все улочки, что лежали недалеко от площади Храма Света. И наконец удача оказалась на их стороне: небольшой зеленый уголок был разбит у кирпичной стены, отделяющей здание почты от безлюдного переулка. Деревья казались достаточно дикими, чтобы предположить, что за ними никто не ухаживал. Даррит подошел к тому, которое было дальше всего от дороги и ближе всего к стене. Он не без труда влез на него и затем примотал проволокой шкатулку с предсказанием на ветвь примерно в паре метров от земли.

Когда Норт спустился, они с Омарейл встали на дороге, одинаково сложив руки на груди, и застыли, глядя на дерево. Шкатулки видно не было, но...

– У тебя нет ощущения, что это как-то ненадежно? – вы-

разила наконец сомнения Омарейл.

По тому, как быстро Даррит согласился, она поняла, что он думал о том же.

– Трудно поверить, что шкатулка может пробывать там почти тридцать лет, да? – произнесла она, чуть склонив голову набок.

– Да...

Потоптавшись вокруг этого оазиса в городской каменной пустыне и обсудив ситуацию, они решили спрятать не одно, а несколько посланий в разных местах Астрара.

Глава 5

Сила слова

Плетя коврики на улице, Фрая действительно привлекала внимание прохожих. Метод работал. Омарейл в это время хозяйничала в лавке.

Звякнул колокольчик, и принцесса обернулась на звук. В дверях стоял темноволосый мальчик с серьезным взглядом.

– Добрый день, – произнес ребенок. – Госпожа Тулони сказала, что вы умеете красиво писать.

Омарейл внимательно вглядывалась в его лицо. Острый нос, высокие скулы и миндалевидные карие глаза. Мальчик напомнил ей сразу двух людей, которых она однажды видела.

– Да, умею, – кивнула принцесса.

– Вы могли бы подписать мою открытку? У меня совсем не осталось на это времени, а сам я пишу *ужасающе*. – Последнее было похоже на слова кого-то из взрослых.

Сомнения рассеивались с каждой секундой – перед ней был Бериот, в этом нежном возрасте невероятно похожий на свою мать.

– Конечно. – Омарейл приняла открытку, которую, очевидно, мальчик нарисовал сам. – Что написать?

– «С днем рождения, малыш!» И внизу – «Твой старший брат Бериот».

Она с умилением взглянула на ребенка. Это было так трогательно: он сам нарисовал Дану открытку! По интонациям и эмоциям, которые улавливала Омарейл, было ясно, что он относился к тому с большим трепетом.

Принцесса выполнила просьбу, поглядывая на улицу через витрину. Она одновременно боялась встречи с Совой и желала ее. Но из-за развешанных ковриков разглядеть что-либо было невозможно. Отдав Бериоту открытку, Омарейл осторожно подошла к двери. У входа в магазин не было никого, кроме Фрай. Тогда принцесса вышла на улицу вслед за мальчиком. Тот, бросив взгляд на госпожу Тулони, начал озираться.

– Мам! – крикнул он.

Омарейл повернулась, но увидела лишь две удаляющиеся фигуры в конце дома. Сова оглянулась на окрик и жестом велела сыну догонять, сама же продолжила путь, ведя младшего за руку.

От волнения принцесса забыла, как дышать. Казалось бы, незначительная встреча – и не встреча даже, а мимолетное видение, похожее на вспышку фотокамеры, – но оно потрясло все ее существо. Никаких связных мыслей, никаких определенных эмоций – просто глухое опустошение.

Маленький Бериот догнал мать, и вскоре семья скрылась в толпе на Театральной площади.

– Чудесный ребенок, – проговорила госпожа Тулони, с особой теплотой во взгляде смотря вслед Бериоту. – Такой

умненький. Меня Солнце детьми не наградило, но когда я представляю, что у меня есть сын, он похож на этого мальчишку. Молю Луну и Звезды, чтобы Совалия сумела не испортить его своим даром. Ты ведь знакома с нею?

Омарейл неопределенно махнула рукой, как бы говоря, что знакомство было шапочным.

– Она спешила, мы перекинулись лишь парой слов. Я спросила, будет ли она послезавтра на ужине у Гвинеи, но так поняла, что нет. – Все это Фрая говорила, увлеченно продевая толстую шерсть между натянутыми на деревянную раму тонкими нитями. – Хотя я и не ожидала, что она придет. Не очень-то они ладят. Совалию если и приглашают, то скорее из вежливости. Кому охота портить отношения с женой Советника Короля?

Принцесса слушала вполуха, поэтому, чтобы не показаться грубой, задала первый пришедший на ум вопрос:

– Почему портить отношения?

– Ну как же, семейный ужин, а ее не пригласить: узнает – может и обидеться. Сестра все-таки.

Омарейл наконец перевела на Фраю осознанный взгляд:

– Кто сестра? Чья сестра?

Фрая посмеялась над собой:

– Ох, я тебе так рассказываю, будто ты в курсе, кто у нас тут кто! Гвинея – сестра Совалии.

В те несколько секунд, что принцесса молчаливо смотрела на прохожих, она пыталась вспомнить все, что когда-ли-

бо слышала о происхождении Совы. Дед госпожи Дольвейн получил статус второй семьи за заслуги перед королевством. Отсюда и знатное имя, и, как подозревала Омарейл, желание Совы выйти замуж за представителя высшего сословия. Дети Совалии, как теперь и она сама, благодаря удачному браку принадлежали к первым семьям. Достижение, которым она наверняка очень гордилась.

Мраморный человек упоминал, что у Совы были братья и сестры – Омарейл точно не помнила, кто и сколько. Но по его словам, в юные годы с помощью дара Совалия оказывала серьезное влияние на свое окружение, и это не очень хорошо сказалось на домочадцах.

Из частных разговоров с Бериотом принцесса не могла вспомнить никаких упоминаний о «дядях» и «тетях» по материнской линии: все родственники, о которых когда-либо шла речь в беседах с Советником, были со стороны отца.

Не было никакой причины, по которой сейчас Омарейл следовало бы знакомиться с семьей Совы. Но именно этого ей хотелось больше всего.

– Это какой-то... частный ужин? – спросила она, понимая, что вопрос звучал странно. – Я хочу сказать, это вечеринка или небольшое собрание?

– Пилари никогда не устраивают «небольших собраний», – рассмеялась Фрая. – У них в сарае стоят складные столы, и, когда появляется повод, их достают. Сначала ставят несколько, пять или шесть – сколько умещается во дворе. Но

гостей обычно так много, что хозяева открывают ворота и усаживают всех на улице. Если это небольшой праздник, то дело заканчивается за палисадником, на обочине дороги. А вот когда была свадьба дочери Гвинеи, они перекрыли улицу, расставив столы прямо на мостовой.

– Значит, можно просто прийти? – с надеждой спросила Омарейл. – Мы никого здесь не знаем, и мне так скучно! Было бы здорово сходить куда-нибудь, пообщаться с людьми. Норт не особенно болтлив.

– Почему бы и нет! – отозвалась Фрая. – Есть только одно правило: нужно принести с собой стул. Ну либо табурет. Если не хочешь простоять весь вечер, конечно.

Принцесса воодушевленно улыбнулась.

Вскоре под благовидным предлогом их навестил Даррит.

– Решил принести вам обед. – Он положил на прилавок мешок, в котором обнаружился хлеб, сыр, два вареных яйца и четыре яблока.

Омарейл искренне поблагодарила его, хотя и понимала, что в этом жесте была не столько забота о ней, сколько желание вновь встретиться с Фраей.

Позже принцесса рассказала ему о планах на вечер воскресенья. Даррит не стал отказываться от ужина у Пилари: его мало волновали родственники Совы, но вот собственная семья была интересна. Он был готов провести вечер в компании Фрай, какие бы цели ни преследовала Омарейл.

Затем она сообщила, что затея с плетением ковриков на улице работала: в лавку стали заходить гораздо чаще.

– Рад это слышать. Хотя и не сомневался, что у вас все получится, – ответил он.

– Но этого мало! – заявила принцесса с энтузиазмом. – Сегодня я отправлю с посыльным письмо в газету. Мы расскажем о том, как развиваем лавку, из этого получится очень полезный материал. Мы придумали необычный ход, который может заинтересовать репортера. Для нас это будет лучшая реклама.

Даррит предложил помощь: когда Омарейл написала письмо, он лично отправился в редакцию «Освещения», чтобы передать послание.

После обеда госпожа Тулони выплатила ей первое жалование.

– Как приятно получать деньги, заработанные честным трудом! – заметила принцесса, прижимая небольшой мешочек с солями к груди.

На удивленный взгляд хозяйки лавки она лишь смущенно улыбнулась.

Даррит встретил Омарейл после работы, и они вместе зашли в магазин за новыми шкатулками для предсказаний, а еще купили ириски и миндаль в сахаре – принцессе хотелось получить удовольствие от заработанного.

По пути домой они обсуждали свой план, и принцесса почувствовала, что ее начинает одолевать тревога.

– Что, если послание не сработает? Что, если из нашего пророчества никто не поймет, что Сова всех обманула? – вопрошала она.

На это Даррит ответил:

– Все будет зависеть не от послания, а от того, как мы воспользуемся им в нашем времени. Думаю, Его Величество нас поддержит, привлечет прессу и поможет развить историю в нужном направлении.

Принцесса всплеснула руками:

– Как ты можешь быть так спокоен?

– Часто ли вы видели, чтобы я был взволнован?

– План с Советом уже не сработал. Что, если и этот не сработает?

– Как я понимаю, с Советом и не должно было ничего получиться. Книга тому доказательство. Все идет своим чередом.

Омарейл это не успокоило. Из книги не было ясно, увенчается ли успехом их новая затея.

– Ты какой-то не такой в этом времени, – проворчала она. – Полагаешься на эмоции, живешь надеждами.

– То есть больше похож на вас?

Принцесса бросила на Даррита недовольный взгляд.

– Да, если хочешь! Но даже мне кажется глупым полагаться на книгу сказок. Мы ведь не знаем, кто ее написал и зачем. Она заканчивается визитом к Часовщику, что было дальше, мы не знаем и...

Тут она замолкла, обдумывая пришедшую мысль.

— Если только... — проговорила она. — Нам нужно прочесть книгу с самого начала!

— Что в вас люблю, так это последовательность, — прокомментировал это Даррит.

— В книге могут быть подсказки, куда спрятать шкатулки! Ведь ты читал ее, не пытаясь их найти. Быть может, взглянув на текст по-новому, мы увидим то, чего ты не замечал раньше.

Они как раз пришли домой, и Норт, хмуро взглянув на принцессу, сообщил, что поищет подсказки сам.

— Ты слишком много раз слышал эти истории, можешь не обратить внимания на какие-то детали, а у меня свежий взгляд, — резонно заметила Омарейл, но Даррит не сдавался, всячески демонстрируя нежелание отдавать книгу.

— Да не сделаю я с ней ничего! — раздраженно воскликнула принцесса, протягивая ладонь. — Я очень аккуратный читатель. Мне еще в восемь доверяли старинные тома, и ни разу я не испортила ни один.

Норт тяжело вздохнул, но наконец достал из кармана сборник сказок. Вечер и полночи Омарейл провела за чтением. Изрядно потрепанный томик она закрыла лишь к утру. Истории оказались очень увлекательными и интересным образом переплетались между собой.

Основной сюжет был посвящен простолюдину и принцессе. Их приключения и правда во многом перекликались с ис-

торией Даррита и Омарейл. Читать эту часть было все равно что разгадывать головоломку: что скрывалось за этими словами, а что за теми? Было ли лишь совпадением, что на пути к восьмому мудрецу путников настигла буря? Даррит и Омарейл как раз повстречали Бурю и Пилигрима, когда направлялись к восьмому Патеру, Патеру Фортосдора. А что насчет юноши, облачившегося в платье принцессы и выдававшего себя за нее, пока наследница путешествовала по королевству? Это же как будто бы про Мая, который, конечно, не наряжался в женские наряды, но обитал в покоях Омарейл, создавая там видимость присутствия принцессы.

Другие истории были мягко вплетены в сюжет, но рассказывали о чем-то совсем ином. Здесь была и война между племенами, в которой всех умудрился примирить хитроватый крестьянин, и история одинокого короля, который всем желал добра, но выходило, что делал только зло.

Эти сказки принцессе и простолюдину рассказывали те, кого они встречали на пути. Истории подавались как местные легенды или нравоучительные сказания. Увы, в них Омарейл не видела ничего, кроме интересного содержания.

Правда, в основном сюжете она тоже не нашла пользы. Разве что отметила для себя одну вещь: юноша, главный герой, был влюблен в принцессу. Как только это стало ясно, Омарейл ощутила неконтролируемую радость. Пыталась усилием воли подавить волнение, не позволяла себе даже думать о том, что это могло значить, но получалось плохо.

Утром она передала книгу Дарриту, сопроводив комментарием:

– Не узнала ничего нового.

Он пару секунд смотрел на нее, будто ждал чего-то. Омарейл вопросительно подняла бровь. Что он себе надумал? Что она бросится к нему с объятиями и словами «ты тоже любишь меня!»? Он ведь сам держался отстраненно, демонстрируя, что ее симпатия была ему не нужна. И принцесса его понимала: чем ближе они станут, тем больнее будет расставание, когда все это закончится.

Наконец Норт коротко кивнул и забрал сказки.

– Вы не думали о том, чтобы взять выходной? – спросил он за завтраком. – Завтра воскресенье, вы работаете уже шестой день.

– В выходные самая торговля! – воскликнул Лодья, который разделил с ними утреннюю трапезу. – Я тоже предлагал Алтее выходной, но она сказала, что отдохнет на следующей неделе, потому что сегодня и завтра будет самый большой наплыв покупателей. Она просто не может бросить меня в лавке одного.

– Какая трогательная забота, – отозвался Даррит. – Я вижу, у вас с вашей помощницей завязались очень теплые отношения.

От Омарейл не укрылся всплеск эмоций Лодьи – они были такими сильными, что не понадобился даже зрительный контакт. Нежность и восхищение затопили сердце принцес-

сы. Ей были знакомы эти чувства. Будто получив именно ту реакцию, какую ожидал, Даррит хмыкнул, а затем сменил тему:

– Вчера я пытался попасть на площадь Храма Солнца, но не смог, она огорожена. Вам что-то об этом известно?

Лодья покачал головой.

– Тьма раздери, – недовольно проворчала принцесса, – ты не говорил мне об этом. – Она перевела взгляд с Даррита на Лодью и пояснила: – Нам нужно найти хорошее дерево. Чтобы недалеко от площади, достаточно скрытое от глаз, но к которому легко подобраться. Мы уже неделю кружим вокруг Храма Света, но то, что удалось отыскать, никуда не годится. А теперь еще и на саму площадь не пройти!

Лодья призадумался.

– В старой части города действительно мало растительности, все камень да камень. Вот если немного ближе к Королевскому каналу или Астардару... – произнес он.

– Мы нашли подходящее дерево на Почтовой улице, но есть сомнения...

– На Почтовой? – удивился Лодья. – На Почтовой нет деревьев.

Покачав головой, Омарейл объяснила, где именно им удалось обнаружить заветный зеленый уголок.

– В своем времени я живу на Почтовой, буквально в трех домах оттуда. Не знаю, как сейчас, но через двадцать лет зелени там не будет.

Омарейл и Даррит переглянулись.

Идея с деревом казалась все менее и менее удачной. На то, чтобы железная шкатулка выросла в ствол, нужны были годы, но кто-то мог обнаружить тайники раньше или вовсе уничтожить их. Имея даже запасные варианты, они рисковали.

Когда Лодья ушел, принцесса предложила:

– А давай погадаем на твоей книге.

Даррит пару раз моргнул, удивленно подняв брови. Тогда она пояснила:

– Ну, знаешь, мы задаем книге вопрос, открываем ее на любой странице и читаем первую попавшуюся строчку. Мы с Севастьяной постоянно так развлекались.

– Как это нам поможет? Какова вероятность, что мы попадем в нужную строчку?

Омарейл закатила глаза.

– Нам и не нужно. Просто это запустит наши мыслительные процессы. Давай! – Она прочистила горло и, когда Норт нехотя положил на стол сборник сказок, четко произнесла: – *Хорошая ли это идея, спрятать послание, разоблачающее Сову, чтобы найти его в нашем времени и доказать всем, что пророчество – подделка?*

Даррит вздохнул, демонстрируя скептическое отношение к плану принцессы, но открыл книгу и прочел вслух:

– «Они шли лесами и полями, не зная, длинна ли была дорога и где их застанет ночь». Прекрасно, это было крайне полезно и познавательно.

– Зато подходит по смыслу: книга говорит нам, что мы не знаем, что нас ждет. Ну-ка, попробуем по-другому. – Она снова сменила тон, давая понять, что следующий вопрос адресован книге: – *Что нам делать?*

Даррит поднял глаза к потолку, открыл книгу, ткнул пальцем и внимательно посмотрел на страницу:

– «Займитесь делом», – с интересом прочел он.

– Что, правда? – воскликнула принцесса возбужденно.

Она заглянула в книгу, но там, куда указывал Даррит, было написано лишь «Бездействие порой тяжелее любого труда». Омарейл взглянула на Норта. Тот усмехался. Она поникла.

– Ты можешь скептически относиться к таким вещам, я в последнее время тоже не очень-то верю в *предсказания*. Но я чувствую себя немного... потерянно. И готова принять любую помощь. Даже если она будет от книги.

Даррит отвел взгляд. Было видно, что он готов сдаться.

– Тем более ты сам, – с нажимом продолжила она, – всего неделю назад в сложнейшей ситуации, когда любой нормальный человек предложил бы действовать сообща с моими родителями, сказал мне, что нужно идти к Часовщику, потому что так написано в твоей детской книжке!

– Это другое, – тут же откликнулся Норт. – В моем решении помимо слепой надежды на чудо присутствовала еще и логика.

Омарейл предпочла проигнорировать этот выпад и, де-

монстративно обращаясь к сборнику сказок, громко спросила:

– *Что нам важно знать?*

Даррит тяжело вздохнул и вновь открыл сборник.

– «Первого сына сама берет, второго небеса дают, третьего же она дарит». – Мрачно взглянув на принцессу, он вопросительно поднял бровь. – В ответах становится все меньше смысла. Быть может, найдем другой способ стимулировать работу мозга?

– Это все потому, что ты не веришь, твое отношение мешает нам наладить связь с Небом. Давай последний вопрос! *Где спрятать послание, разоблачающее предсказание?*

Даррит крайне небрежно открыл книгу и прочел:

– «Под Солнцем процветаю». Хм, девиз Ордора... значит ли это, что спрятать нужно где-то в Ордоре?

– Может, книга имеет в виду Орделион?

Норт фыркнул и отложил томик.

– Вспомните, сколько мы с вами добирались оттуда до площади Храма Света. Это предположение совершенно лишено смысла.

Плечи Омарейл опустились. Нет, она не ждала каких-то прямолинейных советов, но в этот раз ответы оказались совсем неподходящими. А ведь раньше так часто в этой незамысловатой игре ей удавалось найти завуалированное послание Небес.

Она молча допила чай и засобиравалась на работу. Даррит

решил проводить ее. И в тот момент, когда они проходили мимо котлована, вырытого между двумя трехэтажными зданиями на улице Солнца, Омарейл резко остановилась.

– Нужно спрятать послание в стене строящегося дома! – воскликнула она.

Норт задумчиво посмотрел на работы, что велись у пока еще пустой ямы, затем на принцессу и одобрительно кивнул.

– Это гораздо более здравая мысль, чем беседа с книгой, – произнес он, жестом предлагая продолжить путь. – Я займусь поиском подходящей стройки сегодня же.

С самого утра госпожа Тулони села ткать на улице, Омарейл же стала менять оформление витрины, чтобы разместить там новый коврик с декорациями. Сегодня это была небольшая работа под названием «Дыхание августа». Охристо-желтый напоминал одновременно и о поле с колосками, и о спелых яблоках, и о золотистом меде. Купив у старушки на улице целую охапку пшеницы, принцесса поставила ее в глиняный кувшин и разместила на витрине. А желтые тыковки, разложенные на хлопковой ткани, так чудесно подчеркивали яркий цвет коврика.

Вскоре на пороге лавки возник очень высокий молодой человек в длинном сером сюртуке, великоватом, будто с чужого плеча. Поправив крупные очки, он представился, сообщив, что был репортером из «Освещения».

Омарейл с большим удовольствием рассказала ему о том,

какие шаги предпринимала для развития Луми-лавки. Хотя на протяжении всего интервью ее не покидало ощущение, что репортер совершенно не понимал, чем она так гордилась.

– Стало быть, истории о ковриках вы выдумываете? – скупаяще уточнил он. – Всего лишь еще один трюк для привлечения простаков?

Этот вопрос принцессу задел и даже оскорбил: можно было подумать, они какие-то жулики!

– Отчего же, госпожа Тулони действительно вдохновляется на каждую работу тем, что ее окружает или что она когда-либо видела.

– Понятно, понятно... – молодой человек совершенно не разделял ее воодушевления и восторга.

Он без капли любопытства обводил взглядом толстые полки из чуть посеревшего и потрескавшегося от времени дерева. Его не прельщали мягкие уютные и такие разнообразные коврики, не умиляли барашки цветной пряжи в тканых мешочках, не восторгала красиво оформленная витрина. Из-за белых стен в Луми-лавке было светло, а из-за обилия дерева – уютно. Но до всего этого репортеру не было дела.

– Никто не может проверить, правдивы ли все эти истории, не так ли? – усмехнулся он, взглянув на Омарейл.

Она уперла руки в бока и в следующую секунду заметила, как изменился взгляд репортера. Поняв, что начала передавать молодому человеку свое возмущение, Омарейл поста-

ралась сосредоточиться и внушить собеседнику хоть капелюку заинтересованности.

– Нам нет нужды врать. У госпожи Тулони золотые руки и золотое сердце, – заявила она. – Эти коврики созданы с душой и любовью. Мы же не какая-нибудь... лавка старьевщика, нам не нужно набивать цену своему товару.

– О да. – Репортер наконец ожил. – Я как-то раз купил в такой лавке бронзовый портсигар, который потемнел, попав под воду. Так я понял, что он был сделан из латуни и не «при Соле», а совсем недавно! Половину месячного жалованья за него выложил...

Омарейл обрадовалась, что им наконец удалось наладить контакт.

– Понимаю! – воскликнула она. – Я тоже на днях хотела купить шкатулку тут неподалеку, а там вместо драгоценных камней было стекло.

– Ужасно, на что готовы пойти эти старьевщики, не правда ли! – отозвался он, и принцесса почувствовала его негодование.

Напоследок репортер сделал фотоснимок Фраи на улице. Пока он что-то подкручивал на камере с огромной вспышкой, Омарейл рассказывала ему об идее демонстрировать прохожим и потенциальным покупателям процесс создания ковриков. Молодой человек уходил довольным и вдохновленным, и принцесса была рада, что в конце ей все же удалось заинтересовать его своей историей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.